

РУССКИЙ ЛЕГИОН ЦАРЬГРАДА

СЕРГЕЙ
НУРТАЗИН

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Сергей Викторович Нуртазин

Русский легион Царьграда

Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2150335

С. Нуртазин. Русский легион Царьграда: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-4444-8969-7

Аннотация

Пленный радимич Мечеслав обретает свободу, став лучшим мечником в дружине киевского князя Владимира Святославича и отличившись в боях против печенегов на границе Дикого поля. Он вступает в отряд, который отправляется в Царьград, где славяне, известные под прозвищем тавроскифов, долгие годы служили в гвардии византийских императоров. В разгар смуты, когда мятежники рвут державу на части, а враги теснят со всех сторон, русский легион становится опорой имперскому трону...

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Стезя Мечеслава	7
Глава первая	7
Глава вторая	33
Глава третья	48
Глава четвертая	55
Глава пятая	67
Глава шестая	76
Глава седьмая	86
Глава восьмая	95
Глава девятая	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Сергей Нуртазин

Русский легион Царьграда

© Нуртазин С., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

*** * ***

Пролог

Солнце уходило за горизонт. Его последние лучи, с трудом пробиваясь сквозь зеленое покрывало древнего леса, падали на едва заметную тропу, ведущую к огороженному тыном святилищу. Там, среди покрытых мхом деревянных идолов, стояло почитаемое родом славянским дерево, дуб. К нему-то и направлялся русоволосый юноша с торбой. Лицо его было задумчиво. Невеселые мысли одолевали молодого славянина из радимичей, опасность, нависшая над землями его племени и уведшая из дома отца, не давала ему покоя. Даже знакомый с детства лес таил тревогу, как и тянущиеся к небу призывные дымы. Властная рука киевского князя Владимира протянулась к кону потомков Радима.

Ворота были открыты. Испросив разрешения у богов, он вошел в святилище. Волхва Веда здесь не было. Юноша подошел к дубу, поклонился и, доставая из торбы горстями рожь, трижды осыпал ею могучий ствол. Зерна злака, отскакивая от коры, падали у перевитых между собой мощных корней, выглядывающих из-под земли. Приложив правую ладонь к сердцу, он заговорил. В закатной тишине леса хорошо слышались его слова:

– Перун великий! Перун грозноликий! Внемли призывающему тебя! Славен и трехславен будь – оружия, хлеба и роду благость дай! Громоторенье яви, правь над всеми изрод-

но! Так было, так есть, так будет! Помоги бабушке моему в
рати! Верни в животе и здравии! Дай одоление воям нашим
над ворогом злым! Молю и славлю тебя! Так было, так есть,
так будет!..

Часть первая. Стезя Мечеслава

Глава первая

*В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей... Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их... Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают»... Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доньне...
Нестор. Повесть временных лет*

– Зачем юнца ко мне привели? – спросил сидящий на коне муж в кольчуге. Низко надвинутый шлем с широким наносником скрывал верхнюю часть его лица. Видны были только пшеничного цвета усы и мощная, чуть выдвинутая вперед челюсть с ямкой на выбритом подбородке. Холодно посмотрев светло-кариими глазами на русоволосого юношу лет семнадцати, он перевел взгляд на двух дюжих дружинников, державших за руки пленника.

– Вина на нем, – сказал один из них. – Змееныш трех наших воев живота лишил. И варяга Орма поранил. Суди его!
– В бою суд один... Убил он – убейте его!

Дожие молодцы того и ждали. Тот, что стоял слева, неуловимо отступил назад, заломил пленнику руки за спину. Тот, что стоял справа, вынул нож.

Но дело сделать не успели.

– Сохрани ему жизнь, воевода, – сказал подошедший к дружинникам рыжеволосый крепыш лет тридцати, с перевязанной окровавленной тряпицей рукой. – Добрый воин князю будет.

– Когда-то, может, и будет, а ныне трех наших уже нет. Да и будет ли? Ненавистно смотрит, этот память свою не замглит, а сельцо его ты, Орм, напрочь спалил. С пепла новой дани князю мы не скоро возьмем.

– С пепла и против князя не скоро поднимутся. А то что же... На реке Пищане их разбили, а иную родовую селитьбу приходится с бою брать. Эта нам обошлась в десять воинов. Окольчуженных!

Эта, дворов в сорок, никакого опасения не зная перед дальним Киевом, догорала за невысоким валом. Сами по себе жили радимичи, дани давно и никому не давали, но и на чужие племена не налезали, разве что пойдет род на соседний род, пустят кровушку друг другу, остудятся и потом за тылки чешут: из-за чего же свар-то наша? Но все чаще и чаще случались у них междоусобные битвы и жесточе – из-за богов. Одни роды приносили богам жертвы человечьи, другие стали считать это для себя и богов постыдным, волхвы никак не могли между собой столкнуться. Кровь тогда

текла гуще, и племя радимичей, того не сознавая, шло на разлом... Раздвоенными они и вышли на Пищану против великого киевского князя Владимира, а тот вынуть свой меч не пожелал, послал поперед себя малую изгонную рать с воеводой, имя которому Олег, а прозвище – Волчий Хвост. Ее, изгонной, и хватило на них на всех... И теперь перед Волчьим Хвостом и дружинниками догорала очередная и непокорная селитьба радимичей, там, в пламени, с хрустом оседали избы, встречный ветер гнал на оборуженных людей клубы дыма, кидал в них через вал огненные головни. Кричало сельцо последними женскими криками, но и они затихнут, и там не останется никого и ничего. Пепел останется. На пепел вновь наскочила мысль воеводы, воина и рачительного оберегателя княжого добра, но кружить ей попусту не дал варяг Орм. Успокоил воеводу:

– Не всех же мы в полон взяли. Из дебрей вернутся, заселят, бабы чад нарожают.

Воевода Олег, Хвост Волчий, ценил своего обрусевшего варяжского сотника, товарища верного в битвах, советника дельного. И укорил себя: что за притча? По сожженному сельцу загоревал, будто оно первое... И что подумают дружинники, а? Рожи их чумазые сияют довольством, понаграбили сверх меры, вернутся в семьи удачливыми добытчиками. Свою меру серебра, рабов и меховой рухляди получит великий князь, свою – он, воевода, и свою – сотник Орм и его десятники. Никто внакладе не останется, от века

так заведено, князем Владимиром устрожено. Однако в вековом порядке грабежа побежденных проклюнулась малая несообразность, которая обеспокоила осторожного воеводу. Селитьбу спалили, вон, слышно, ратники оставшихся девок, баб и ребятишек из пламени на князя добирают, а парнишку-убийцу Орм отчего-то пощадил. Это как понять?

– И это от тебя не утаю, – упредил его Орм. Голос его как-то странно дрогнул. – В свое время. Ныне не тот час.

– Ну, не тот так не тот, а и вправду – не тот, – согласился воевода. Глянул на рослого парнишку-радимича с сероватыми, горящими ненавистью глазами. Волосы и лицо его были в грязи, разбитые губы вспухли синими варениками, разорванная рубаха задубела от крови. Сил стоять на ногах у него уже не было, но стоял, зажатый с боков двумя теми же дружинниками. Как же он, подумал воевода с удивлением, сумел троих-то окольчуженных положить?

– Боюсь, – сказал Волчий Хвост, и странно, и весело всем стало слышать от него это слово. – Боюсь, Ормушко... Паренек-то, вижу, свое время не упустит и тебе же всунет нож в горло.

Тогда варяг Орм сказал устало:

– Я просил тебя сохранить ему жизнь. Решай, воевода. Я ему заступа и за него порука. Головой отвечаю.

– Вот даже как тебя припекло... Убить его мы с тобой в праве, а жизнь сохранить, да еще в княжой дружине, не в нашей власти. Пред княжьи очи его поставим. Тому и быть,

что князь Владимир решит.

– Решить-то он решит... Да сначала тебя, воеводу, спросит.

– Не без того... – заулыбался воевода Олег, полукровка, родившийся от потомка варяжских ярлов и новгородской словенки из простых. Было время, князь Владимир мальчонкой правил Новгородом и тогда же возлюбил своего дальнего родственника и полукровку, чутким отроческим сердцем сознавая: оба со стороны матерей – не знатны. Что намного важнее, возлюбил его и Добрыня, княжой наставник, истинный правитель Новгорода, родной брат рабыни Малуши, матери Владимира. Говоря речью прямой – Добрыня, как и сестра, был из рабов-древлян, и выходило, что племянник его, новгородский князь-малолетка, по сравнению со своими старшими братьями Ярополком и Олегом – полураб и полудревлянин... Такому власть над Киевом и Русью придется добывать кровью. Не добудешь – и в Новгороде, у словен, не усидишь. Это они сознавали. И это они свершили.

– И что ты князю скажешь? – настойчиво допытывался Орм.

– Что скажу? – вернулся к нему из своего далека воевода. – А куда я без тебя, Ормушко? Нам с тобой еще не одних радимичей предстоит объярмить.

Пригляделся в последний раз к пленнику, приказал дружинникам:

– В обоз его. Да свяжите покрепче!

И Орму:

– Убежит, звереныш, тебе тогда головы не сносить, поручник. А мне твоя головушка нужна. И князю тоже.

* * *

Мечеслав открыл глаза, над ним в разрывах зеленой густой листвы плыл голубой ручеек неба. Скрипели колеса, повозка тряслась на ухабах, каждый толчок отзывался болью в теле, кружилась голова, во рту ощущался горько-соленый привкус крови. Повернув голову, он сплюнул красноватый сгусток на землю. Хотелось пить. Пытаясь облегчить страдания, Мечеслав прикрыл веки. Перед глазами заново всплыли воспоминания последних дней...

– Тятя, я с тобой, – сказал он отцу, держащему в руках пояс и меч.

– Здесь будь. С тобой Локшу, Волчка и Крившу оставляю. За старшого дед Щур будет. Береги мать и сестру. Вернусь, с тебя спрошу, – ответил, опоясываясь, отец. Его большая теплая ладонь легла на чело Мечеслава и потрепала волосы. Тихо всхлипывали мать Беяна и сестренка Красава, с ними отец уже простился.

Прошла седмица, отец Гремислав – старшой их рода – и ушедшие с ним воины не возвращались, а потом случилась эта страшная ночь. Спавшего после сторожи Мечеслава разбудили доносившиеся снаружи крики. Наспех одевшись, он

схватил копьё и выбежал из избы. Со стороны ворот, что прикрывали вход в огороженное тыном селище, доносился звон оружия. Видимо, Волчек и Кривша, заступившие в сторожу, пытались сопротивляться. Выскочивший из полутьмы конный воин, лицо которого из-за пламени горящих изб казалось красным, спустил тетиву лука. Стрела со свистящим звуком пролетела мимо, Мечеслав оглянулся и увидел стоявшую в дверном проеме матушку. Стрела попала ей в грудь. Мать протянула к нему руки и упала на стрелу, сломав ее оперенное древко. Мечеслав подбежал, пал на колени, перевернул мать на спину. Глаза ее, всегда такие теплые и ласковые, холодели. Он понял, что уже никогда не увидит ее живой. Дикий крик вырвался у него из груди, он поднялся с колен и побежал, догоняя того, кто убил его мать. За углом соседской избы едва не споткнулся об пронзенного копьём Буяна, лохматого, с рыжей шерстью пса деда Щура. Хозяин собаки лежал рядом, поджав под себя ноги, его посекали мечом. Ярость удвоила силы Мечеслава, ускорила бег. Враг близко, копьё, с хрустом пробив кольчугу, вонзилось ему между лопаток, воин замертво свалился с коня. Вокруг их множество, надо бежать, но куда он убежит от сестренки, оставшейся в избе, крышу которой уже лизало пламя? Он повернул назад, чтобы спасти ее, но поздно, поздно, ему не успеть... Путь отрезали воины Владимира.

Тогда он стал биться с ними, как учили его отец и старый волхв. Здоровенный детина заступил ему путь и, ухмыляясь,

замахнулся палицей, но не будет у тебя времени, находник, чтобы ударить ею. Мечеслав лишь коснулся острием копья его шеи, раздвоил ему яремную жилу, отскочил, длинная струя крови не достала его. Детина, так и не успевший понять, как его многоопытного воина лишил жизни юнец, упал наземь. Окружавшие Мечеслава вои, увидев смерть соратника, стали более осторожно наседать на юношу. А тот вспоминал. Волхв учил: «Когда ты один, а их много и со спины у тебя защиты нет – не стой, двигайся быстрее молнии, падай, перевертывайся, подсекай ногами, поднимайся, бей, бей и бей, чтобы и тебя стало много». Волхв умел делать много из себя одного, показывал, как делать, и предупреждал: «Никогда не добивай ни раненного тобой, ни тебя ранившего, а станешь добивать, тебе не дадут – ты уже мертв». Пеший ратник, подсечкой поверженный Мечеславом наземь, успел, падая, низовым ударом меча проткнуть ему левое подреберье. Мечеслав в гневе всадил в него копье, и тут же стрела прошила ему левое же предплечье, протацилась под кожей огненной струей и ушла. Он ослабел и безрассудно пытался выдернуть из врага свое копье... А пока пытался, к нему без всякой опаски подошел рыжий воин без шлема, сбил наземь кулаком в лицо, склонился над ним. Но у Мечеслава еще действует правая рука-десница и в ней приготовлен для него гостинец-нож. Мечеслав целит рыжему в горло, но тот, видать, знает эти боевые хитрости, подставляет руку. Еще удар по голове, темнота... Потом память возвращала ему редки-

ми всплесками мутные видения: вот воин на коне, которого все называют воеводой, и вот рыжеволосый, горло которого не достал его нож, о чем-то говорят они... И наконец он, чье имя Мечеслав, лежит в повозке, связанный находниками. Весь левый бок и левое плечо будто на огне ему жгли. Но где он? Далеко ли от мест родных? Похоронил ли кто мать? Жив ли отец? Где сестра его и что с ней?

– Радимич, жив? – чей-то голос вырвал Мечеслава из горьких раздумий. Он открыл глаза, уже не трясло, повозка не двигалась, над ним склонился рыжий, которого воевода называл Ормом. Мечеслав признал в нем варяга. Ему уже приходилось видеть людей севера. Варяг Орм был без доспехов. На нем были кожаные штаны и кожаная же безрукавка, одетая поверх выкрашенной в коричневый цвет полотняной рубахи, концы рукавов которой были стянуты тесемкой. Роста он был среднего, но широкоплеч и узок в бедрах. Его продолговатое лицо было припорошено мелкими, едва заметными веснушками. Орм внимательно посмотрел на Мечеслава светло-голубыми глазами и, пригладив ухоженную рыжую бородку, сказал:

– Зелье приложу, как бы огневица не случилась.

Разрезал на Мечеславе рубаху, промыл раны, наложил повязки, подал рубаху чистую, помог надеть.

– Испей, – сказал он, поднося ковш с водой к губам юноши, а в ковше и глотка полного не было. – Не глотай, держи во рту, пусть влага прямо в кровь войдет. Помолчим малость.

Помолчали. Мечеслав, будто не о себе, а о ком-то другом, подумал, что меч, видно, прошил ему не только подреберье, но задел слева живот и жизнь.

– Неглубоко, обможешься, – успокоил варяг. – Не сердчай на меня и зла не держи. Ты троих из моей сотни положил, а у них тоже ведь женки да чада малые, отцы да матери остались. Ты об этом думал, когда копьем своим махал да и меня ножом пометил?

– Я вас не звал, находники, – сказал Мечеслав и обнаружил, что и после влаги говорить ему трудно, горло как окочало.

– Молод ты, чтобы звать и не звать. А знай, Владимир слал к вашим князям гонца: «Дайте дань»! Что ответили? «Не давали и давать не будем». Спесивцы! И до чего же забывчивы... Княгине Ольге, сказывали мне старые ратники, дань без разговоров давали, вещая старуха даже на полюдьё к вам никого не посылала, сами ей в Вышгород повоз возили. А внуку ее, великому князю киевскому и кагану русскому, – не будем? Где такое видано? Вот и разумеи, кто вашу землю пожег и разорил... Глупость ваших ярлов!

– У нас нет ярлов, варяг.

– Как без них? В челе ваших родов кто стоит? Такие же безумцы, как и на моей родине... Всяк к себе и на себя тянет, никто никому не указ, вы на Пищану – и то не все вышли, поодиночке вас пришлось добивать. Ну ин ладно, не о том нам с тобой в сей час надо речь вести. А вот о чем спросить

хочу: у тебя в сельце родичи были? Или ты сирота?

Мечеслав молчал.

– И еще спрошу, – этот Орм, как и в случае с Волчьим Хвостом, по всему видать, кого однажды начинал допытывать, от того не отставал до полной ясности. – Оклемавшись, ты бежать-то все ж таки мыслишь?

Еще бы! Но и на это Мечеслав ничего не ответил.

– На твоём месте да в твои годы я бы тоже такую мыслишку ласкал, – смущенно кашлянув, сказал варяг. – Особенно сладкую – нож в горло обидчику. Про мое же горло – забудь! Бился ты, не скрою, славно, но тебя еще учить да учить. И не обидчик я тебе. Не всегда и не всякий из нас по своей воле худые деяния на земле творит, и я, воин, из того подневольного числа.

Мечеслав лежал, устремив отрешенный взгляд в небо. Но Орма не обманешь – парень его слушал.

– Слушай со вниманием, – посуровел Орм. – Знай, всех радимичей, что взяли мы в полон на Пищане, а затем добирали в непокорных, как и ваше, селитьбах, на ладьях в Киев-град уже отправили. Там купцы, рабов дожидаясь, серебром звенят. И теперь в молчанку со мной не играй: кого из близких родовичей будешь на киевских невольничьих торгах искать?

– Мать вы убили. Сестренка в горящей избе осталась.

– Сколько лет?

– Двенадцать. Красавой зовут.

– Будь уверен – не осталась. А и осталась – мои вывели! За двенадцатилетних дев купцы хорошо платят, берегут их, увозят в чужие языки, продают и получают вдесятеро. А что с отцом?

– С вами ушел биться, да так и не вернулся.

– Тоже на торгу поискать не лишне, всяко бывает. Искать-то как будешь – беглецом? Про таких удачливых я что-то не слыхивал... А чем выкупать, думал? Помнится, когда я свалил тебя наземь, калиты с серебром на твоём поясе не заметил. За рабов, будет тебе ведомо, серебром платят.

Орм вынул из ножен нож с узким лезвием, каких не бывало у руссов, и разрезал путы на ногах Мечеслава.

– Думай, парень. Тебе есть над чем.

Приказал сидящему в соседней повозке бородатому смерду-обознику:

– Если воды испить пожелает, подай! Самую малость, чтоб только губы омочить, а из еды – ничего. Рано ему.

«Чего привязался находник, будто я ему родович», – думал Мечеслав, глядя вслед странному варягу. Несколько раз согнул и разогнул в коленях освобожденные ноги. Ноги были при нем... А чувствовал себя так, словно его заново и еще крепче опутали.

* * *

Мечеслав, лежа в повозке, задумчиво глядел на темнею-

щее вечернее небо, где уже мерцали первые звездочки. Ормовы повязки и мази оказались целебны, раны заживали. В один из дней Мечеслав, хоть и не без труда, смог приподняться и посидеть немного на дне повозки, застеленном соломой. Опухоль в горле опала, после чего Жданок, сторож-обозник, стал давать ему мясную похлебку, прибавляя к ней малые кусочки от ячменных лепешек, испеченных в золе по-хазарски, и целебное питье, от которого он сразу засыпал. «Во сне, сынок, любую хворь заспишь», – говорила ему мать в детстве. И все случилось по родному материнскому слову. И не все! Тело его с каждым днем возвращало силу, а душа была как камень и томилась тяжело: не уберег он мать и сестренку, не исполнил наказ отца... С тем он и проснулся этим тихим вечером с первыми звездами на темнеющем небе.

Повозка его была распряжена, две оглобли торчали вверх, как две воздетые к небу руки. Рядом, борт о борт, стояла другая, и в ней сидел спиной к Мечеславу его сторож-обозник, которого он называл дедом. Дед Жданок был как нянька, в непогоду заботливо укрывал его рядом, иной раз и кожух набрасывал, пить-есть давал, при нем и с его помощью совершать и остальное нужное ему, слабому, было не так стыдно.

Мечеслав без прежних мучительных усилий приподнялся, сел и огляделся. Вокруг сновали воины, бряцало оружие. Лошадей уже отогнали в ночной выпас, костры развели, пах-

ло дымом, к которому примешивался вкусный запах жареного мяса. Мечеслав не знал и не мог знать, как соблюдался у них ратный походный порядок, но порядок в обозе, успел заметить он, соблюдался строго. Да и обозников, вольных мужиков-смердов, в случае чего, голыми руками не возьмешь. При каждом имелась своя рогатина, оружие в привычных руках смертоносное, как и копьё. Рогатина его деда-няньки лежала все эти дни в повозке Мечеслава, древко ее было укорочено по длине повозки, аккуратно так у бортика лежала, раненому не мешая, и хозяину при случае вынуть ее легко. Мечеслав пошарил руками справа и слева, рогатины не было, а он-то губы распустил, имея на нее виды.

– Дедушко, ты рогатину взял?

– Мы в обозе не глухие и про тебя слыхивали... Так чтоб ты не соблазнялся!

– Ну, до побега мне далеко, – Мечеслав перевалился через борт повозки, утвердился на подрагивающих ногах. «Хватит валяться, завтра же пойду, за нее, голубушку, держась». И спросил: – Дед, а почему ты мне лица не кажешь?

Бородатый нянька повернулся к нему.

– Жалостно мне на тебя глядеть, паренек. Слух раскрой!

Мечеслав прислушался. С той стороны, где стояли ратные шатры и алело зарево от костров, накатывался на обоз слитный гул, в нем вдруг прорезались переливистый звон гуслей, и тягучий голос гусяра вывел серебряно и отчетисто:

Черну ворону ясна сокола не клевать,
А былинке древом-дубом не бывать.

– Пируют, – пояснил обозник. – Наша изгонная рать и князева дружина встретились. Судьба твоя на пиру и решится. Орм сказал: если князь предаст тебя смерти, он мне пришлет вестника.

– А почему тебе?

– Не Орму же тебя резать. Орм – высокий господин, княжой муж. Я исполню.

– Ты? – изумился Мечеслав. – Да ты же мне теперь как родович!

– Который день с тобой нянькаюсь, – подтвердил старик. – И не хотелось бы... А не исполню, что со мной будет? Как ты думаешь?

– Плохо тебе будет, – признал Мечеслав. Вспомнил, как волхв учил его обороняться пусторукиим от оборуженных, а боевая правая рука у него, к счастью, не задета ни синей, ни кровавой раной. Посоветовал, жалеючи обозника: – Ты вот что, дедушко... Взрезанным ягненком я к Перуну не уйду, за нож не вздумай хвататься, ножом меня не добудешь. Бери сразу свою рогатину, да и то... Я биться с тобой стану.

– Чем? И я тебе не дедушка! – осердился старик, который, к удивлению Мечеслава, стариком себя не мнил. – У меня старший сын только-только под твои лета подваливает да трое за ним в затылок дышат... Сил моих на тебя хватит.

– Тем боле – поостерегись! Тогда, перед воеводой, меня не зарезали, а ныне я воином смогу умереть.

Больше они не разговаривали. Густела ночь, постепенно затихал гомон ратного стана. Сидели. Ждали вестника, настороженно поглядывая друг на друга. Долго сидели, сон сморил их...

* * *

Орм на пиру не был. Под его руку дали еще четыре сотни вместе с сотниками и назначили начальным над всей ночной стражей ратного лагеря и огромного пиршественного шатра великого князя. Орм был рад. Пировать ему что-то не хотелось, душа была к тому не склонна, а назначение охранять покой пирующих – честь временная, но великая. За все годы службы князю она дважды ему выпадала, ныне вспомнили о нем в третий раз.

В третий – не в первый, Орму все было знакомо до мелочей. Ждать крупного нападения от радимичей не приходилось, разгромлены, но дурни могут найтись, их и на его далекой родине немало, и Русь ими не скудна, полезут на верную смерть, чтобы и с собой кого прихватить... Охранные сотни надлежало всю ночь строжить, жизнь пирующих – в ладонях Орма, его власть в эту ночь равна власти воеводы.

Свой надзор он, ведя в поводу боевого коня, начал с жилого княжеского шатра, который был поставлен неподалеку

от пиршественного. Было время, и не такое уж давнее, когда отец Владимира, великий князь Святослав, никаких шатров над собой не признавая, спал, говорят, под открытым небом, на конском потнике, под головой – седло. Великий воин, не отнять у него, прошел по хазарам огнем и мечом, Русь забыла о хазарской дани, о том гуслиры уже песни поют. А только... Орму в радимических дебрях не раз приходилось ночевать так-то, на потнике... И что? Утром по тревоге вскочишь, облитый как из ведра небесной росой, тело сковано, рубиться – еще можешь, думать ясно – забудь. Без ясной мысли сотник, чему примеры бывали, в один миг может остаться без сотни, сгубит ее по-дурному. А князь? Святослав всегда бился в первых рядах дружины, побеждал где-то далеко болгар и ромеев, а Русь, говорил Орму воевода Волчий Хвост, так и не собрал, не урядил, бросил ее ради ратной славы, погиб неизвестно где и неизвестно как. Ходили слухи, что хан печенежский на Днепровских порогах снес саблей княжью буйну головушку, сделал из черепа чашу, пил из нее. Даже думать о том было зазорно. «Мертвые сраму не имут» – это слово Святослава принес на Русь его воевода Свенельд, ныне уже ушедший к Одину, родному богу своему и Орма. Гордое слово князя жило в дружинной молве, знал о нем и воевода Волчий Хвост, отзывался похвально, но добавлял от себя в разговоре с Ормом: «Сраму не имут – воины, а их вожи – имут. Вот разнесли бы нас радимичи на Пищане – чей срам? Мой». «И мой», – мысленно соглашался с ним Орм.

Владимир, сын Святослава и Малуши, воевал домовито, основательно, в чело дружины, на памяти Орма, не вставал, мечом зря не размахивал. Добрыня воспитывал его не как воина, а как правителя. И пока – ни одного поражения, ни одной неудачной битвы. И потому пиршественный и жилой шатры кагана русского охранялись как святая святых, Орму тут и делать бы нечего, но – порядок не им заведен. Ночному воеводе подчинялась даже личная княжая стража, молодые гриди без обид смотрели, как Орм подошел к коновязи, удостоверился, что все три боевых коня князя стоят взнузданные, готовые к неожиданной скачке, одному под брюхом Орм не без труда подсунул палец за подпругу, проверяя, хорошо ли затянута. Обычай этот – держать днем и ночью готовых к скачке коней руссы переняли у печенежских ханов, и Орм признавал его полезным и нужным в походах. Никакого упрека не вызвала у него и шатровая охрана великих бояр князя, их было у него шестеро, может быть, к ним после пира прибавится седьмой, Орм крепко надеялся на это...

Мозг, власть и грозная воля Киева пировали, а после пира, надежно прикрытые, будут спокойно спать посреди ратного стана, окоемы которого тоже надлежало тщательно прирзреть. Орм всел в седло. Обезд сторожевых ратников закончил к полуночи, затем подъехал к кожаной кибитке, перенятой в походное дело у тех же печенегов. Кибитка принадлежала Волчьему Хвосту. Здесь Орм и стал ждать решения судьбы пригретого им пленника-радимича.

Пир заканчивался. Из шатра с гомоном повалила молодшая дружина. Пьяна была, не без того, но в меру, сугубо пьяных великий князь не жаловал и сам ума не пропивал. Молодой гомон быстро рассосался по стану, тут и там уже стал слышен могучий храп. Затем стали выходить люди именитые, среди них Орм видел двух варягов, дальних родственников шведского конунга, явились – не запылились, с ними, заносчивыми, он ни в Киеве, ни здесь, в поле, дел старался никаких не иметь. Оба были крепко пьяны, у одного Орм заметил на поясе кинжал в дорогих камнях, пал на камень свет костра и отбрызнул от них колющими искрами прямо в глаза Орму. Ну-ну, подумал он, вы бы еще бронь вздели на княжой пир, князю вам уже не служить, как пришли, так и уйдете, невежи, и уйдете скоро, дело это у Владимира налаженное.

Его воевода вышел от князя одним из последних, и то был добрый знак. Волчий Хвост шагнул в световой круг костра с улыбкой, обнял Орма, был хоть и в меру хмельной, а не удержался, похвастал:

– Ныне, Ормушко, я похвалу и милость князя имел, великим боярином он меня пожаловал.

Орм тоже обнял его, сказал с искренней теплотой в голосе:

– Это справедливо. Рад за тебя. – Поцеловал его в плечо. – Я твой верный слуга, боярин. Помню, как взял ты меня, гонимого, на службу к Владимиру. С мечом. За нестыдную

плату.

Помолчали немного, растроганные давним и нынешним.

Потом Орм отстранился, спросил:

– Не томи, боярин. О моей просьбе не забыл?

– Типун тебе на язык! Я все думал, как к князю с твоей заботой подступиться. На пиру, сам знаешь, это дело нелегкое. Нарушил чин и ряд – можно и на гнев князев нарваться. А там еще эти, свеи твои, начали шуметь. Седьмая вода на киселе, а бахвальства и ору от них – вроде как от самого ихнего конунга. Пока их утихомиривали...

– Их утихомиришь!

– Утихомирили... Ласково! Князю с варяжскими конунгами ссориться не след. Пир князя ведет Добрыня, у него на каждую заморскую глупость своя тихая припаска есть. Улестили их, но знай, им князю не служить.

– Да знаю...

– Знай и то, что до начала пира я с твоих же речей поведал Добрыне о твоём младшем брате и о твоей сестре и о том, что хочешь ты вернуть свой долг перед ними на спасённом тобой радимиче... Добрыня мне даже заикаться об этом запретил!

– Почему же? Я любил брата, в снах его до сих пор вижу... Скорбно мне, жизнь сестре я тоже загубил, если говорить без уверток.

Воевода, а с нынешней ночи – великий боярин Олег, у которого с пояса укороченным полешком, в дни битв и пиров, свисал волчий хвост, молчал долго. Оглянулся, подтянул к

себе Орма, молвил тихо, почти шепотом:

– Ты сам вхож ко князю. Ты видел, чтоб он скорбел по брату Олегу и по брату Ярополку?

– Не видел, – понизил голос и Орм. – Но знаю, жену зарезанного Ярополка он насильством поял! Какая уж тут скорбь!

– Ну вот... Пьет князь заздравную чашу, меня славит за Пищану, и тут я по дурусти и ляпнул бы ему: есть, мол, у меня сотник Орм, скорбит он по брату и сестре, им загубленным, и такой он у нас совестливый, что просит тебя, великий князь... На пиру, Ормушко, только два дурака и сидели – твои свеи, они одни не поняли бы намека. Считай, Добрыня мудрым советом оборонил тебя и меня от гнева князя.

– Да, оборонил, – признал Орм, с горечью понимая, что недоговоренное слово намного опаснее сказанного прямо. Как же он об этом ранее-то не подумал? Но со своим воеводой он всегда говорил прямо. Прямо и спросил:

– Мне пора слать вестника в обоз?

– Не торопись... Допили мы последнюю чашу за здравье и во славу князя, он и спрашивает Добрыню: кто в ночной страже? Добрыня назвал тебя. А видать, Ормушко, эти свеи-бахвалы так князю обрыдли, что он не сдержался и сказал: «Вот бы мне таких варягов поболее, как Орм». Тут-то и пришло времечко вступить мне в разговор, но, ясное дело, без намеков на твои стоны о загубленной родне. Я сказал, что ты просишь сохранить жизнь радимичу, почти отроку, ру-

чаешься за него и я на то согласен. Князь спросил: «А что сей отрок натворил?» И об этом я поведал без утайки, а Добрыня добавил: «Очаг свой защищал, бился для своих лет на удивление умело и храбро, такой воин, княже, как его подучим, в дружине твоей будет нелишним». Князь был в хорошем сердце, повелел так: «Если Орм ручается, то пусть его радимич за троих мне и послужит. Из казны моей возьмите виру и отдайте родовичам тех, кого он живота лишил. Как науку нашу пройдет, покажите его мне».

Орм, не сдержавшись, воскликнул:

– Боярин и воевода! Что ж ты меня долгой речью томил? Что ж ты меня сразу-то не порадовал?

Волчий Хвост рассмеялся. Полез в свою печенежскую кибитку. В ногах его улегся раб-слуга. Ночь была теплая, кожаное полотно, служившее дверцей, слуга откинул кверху. Из тьмы кибитки воевода отозвался ворчливо:

– Сказал бы сразу-то, так тебя ветром бы и сдуло... А с моим молчальником, Ормушко, душевно не потолкуешь. Он словенск язык не понимает.

* * *

Кашевары поднимались до зари, а на заре, перед подъемом ратного стана, когда седовласый туман попятился, уходя от наступающего дня в лес на болота, Орм подошел к уже стоявшему у повозки Мечеславу.

– Откушай, да и я с тобой, – сказал он и положил на дно повозки узелок, а в нем были завернуты луковицы, ломти хлеба и зажаренное на огне сочное мясо, которое Орм, положив на бересту, нарезал горкой своим ножом.

Ели стоя и молча. Жданок, Мечеславов страж, отлучился к кострам, принес себе такой же еды, а им подал кувшин с водой. Помялся и сказал:

– Господин, вестоноша к нам не пришел... Слово, тобою даденное, ты, видно, вернешь себе?

– Слов своих не меняю, – ответил Орм. – Повозку и коня бери, твои. И твоя забота: еда, питье – как себе, так и ради-мичу, я приходить часто не смогу, но чтобы он до Киева ни в чем не знал нужды.

– А он не утечет? Перед вестоношей, господин, испужал меня до смерти... А ты с него и путы снял!

– Повозки с конями на дороге не валяются, смерд. И дивлюсь я... Родина моя далека, а таких, как ты, там тоже тьма: как бы все им задаром в рот свалилось? Ты же с рогатиной! Неужто не одолел бы?

– Медведя – свалю. А человека... Не воин я!

– Не воин – не берись и не рядись! И славь великого князя. Он жизнь подарил парню. – Орм помолчал и добавил: – А может, и тебе...

Мечеслав слушал их, для него нянькина забота за мзду была дика и невозможна там, у родовичей, если бы он лежал среди них вот так-то, раненый... Еще более удивил его этот

странный варяг. Путы снял! Не хотел ему позорной смерти?

Повеселевший обозник полил им на руки из недопитого кувшина, подал Орму услужливо приготовленный льняной рушник. Орм взялся за один конец, другой подкинул Мечеславу, руки вытирали, как равные. У Мечеслава горько жалось сердце: рушник был радимического льна и в радимических красных вышивках, в какой-то миг ему показалось, что это сестренка вышивала... Его везут куда-то, в какую-то новую жизнь, а от родины и рода у него не осталось даже малой памятки. Орм с некоторым усилием вытянул рушник из рук Мечеслава и, что-то поняв, приказал обознику:

– Найди чистый. Подай. И найди помене, не на утирку чтоб.

Запасливый страж долго рылся в своей повозке, словно ожидая чего-то. А повозка-то его была не чета Мечеславо-вой – и шире, и длиннее, и два коня, вспомнил Мечеслав, тянули ее, и высокие борта ее были теперь доверху набиты добром. «Неужто найдет? – думал Мечеслав. – Да как же они нас грабили? Ничем не гребовали, до нитки обирали!» Присмотревшись, он увидел поручни от сохи, вздетые на край борта нянькиной повозки, и мысль о побеге, которую он почти убил в себе, вновь заплескалась в его мозгу. Нет, не хотел он той жизни, в которую тащил его варяг.

– Перетерпи! – сказал Орм. Положил ему руку на задетое стрелой плечо, сжал. Мечеслав ничем не выдал этой своей боли, он весь был в другой. Орм повторил: – Перетерпи, во-

ин... Меня нанимал Волчий Хвост, увозил в чужую страну, в чужой язык, к чужим богам. Я перетерпел, притерпелся и, как видишь, здесь – не последний. А у тебя в этих местах все свои, не на чужбину тебя везут, боги князя Владимира – твои боги, его язык – твой язык, и твои радимичи – в его рати, да и в моей сотне их несколько.

– То изверги, – с презрением сказал Мечеслав.

Обозник подал Орму малый рушничок – нашел все-таки! – и, хотя его никто не спрашивал, подал и свой голос – Мечеславу:

– Мой родитель из кривичей, своею волею извергся из рода, ушел в Киев, и я ныне по отцу тоже изверг. Этим коришь? Уходили мы втроем – отец, мать да я, мальчонка. А как я взошел в твои лета, тоска меня взяла, все вспоминалось мне что-то, чего теперь забыл, и захотел я тогда вернуться в свое племя и в свой род. Отец нещадно выпорол меня. Порол и приговаривал: тамо закиснешь, тамо все равные да никому воли нет и своего ничего нет. И ведь прав! Остался я и не жалкую. Отдал положенное князю – остальное мое, и я вольный человек. И в обоз нанялся по своей воле.

Мечеслав, когда Орм ушел, спросил с укором, поглаживая под рубахой отданный ему рушничок:

– И резать меня ты вызвался тоже по своей воле?

– По своей... Прости!

– Жаден ты, дядя.

А на это у его няньки была своя несокрушимая правда.

– Вот возрастешь, женишься, – сказал он с лукавинкой, – детишек нарожаешь, тогда приходи, потолкуем мы всласть про мою жадность. Я, знаешь, не воин, защита мне князь, жить буду долго, застанешь меня на земле, если сам доживешь...

Глава вторая

...Суниват и Торольв, они велели установить этот камень по Токи, своему отцу. Он погиб в Греции.

Надпись на рунном камне (Ангарн, Упланд)

Рать, отягощенная обозом, шла медленно, три дня шла, на четвертый – дневка. Тогда, обычно вечерами, приходил Орм. В один из таких свободных для него вечеров варяг не пришел, и Мечеслав поймал себя на мысли, что ждет его и обижен невниманием...

Что он знал о варягах? Лихие люди и насильники – вот что. При отце, а Мечеславу тогда было лет двенадцать, как и ныне его полоненной сестренке Красаве, набрели варяги на их сельцо, числом человек в десять. Позже выяснилось, что откололись они от своего ярла, сами по себе ушли на полюдь, в дебри, подальше от Киева, где их ярл служил великому князю. И хорошо еще, что в тот раз из соседнего рода вовремя пришел тревожный дым, отец со своими воями и волхв готовы были к встрече с ними, а то бы эти десять сотворили с родовичами Мечеслава то же, что ныне беспощадно сотворила с ними славянская сотня Орма. Когда все закончилось, когда тех находников посекали и сами были посечены вдвое, когда из живых не задет был раной только волхв, тогда впервые Мечеслав узнал это слово – берсерк. Произнес

его отец так, как говорят о чем-то неподвластном разуму. По словам отца, он отсек берсерку правую руку, тот, отбросив щит, успел перехватить меч левой, отодрал зубами пальцы отсеченной руки от рукояти меча и, однорукий, стал биться как ни в чем не бывало. Отец снес ему голову, кровь поднялась из шеи столбиком и опала, только тогда это чудовище рухнуло на землю, но перед тем облитый кровью варяг успел сделать коварный выпад мечом, отцу едва удалось отбить удар. «Их боги сильнее наших?» – спросил отец у волхва, который перевязывал ему раны. «А кто отсек зверю голову?» – напомнил волхв. «Я. Но я не видел у нас таких воев». – «Нам таких и не надо. Пропадем». «Но почему? – спросил отец. Виденное и пережитое в бою не давало ему покоя. – Это был могучий воин!» «Отдай мне сына в ученики, и он будет знать все», – ответил волхв и больше ничего не сказал. И вот их нет... И Мечеславу уже никогда больше не прикоснуться к высшему волшебству и небесным знаниям волхва.

А этот варяг в одну из встреч отдал ему нож – тот, которым Мечеслав не достал его горла. И спросил:

– Ты думал, почему я взял тебя под защиту?

– Думал. Ответа не нахожу.

– И у меня его нет. Но он есть у наших богов: у твоего Перуна, у моего Одина. Знай, стрела, нашедшая тебя, – моя стрела. Стоял ты открытый, нелепо дергал свое копышко из трупа...

Мечеслав вспомнил все, будто это было вчера, простонал

В смятении:

– Стыдно мне, варяг! Не тому меня учил волхв...

– А мне какво? Стоишь открытый... Что помешало поразить тебя в сердце? Это же позор: метил в сердце, попал в руку, чего со мной никогда не случилось и, да будет ко мне милостив Один, никогда не случится. То был первый знак свыше, но я тогда не внял ему, гневен был... Свалил тебя на землю, отбил ножевой удар и тем же ножом, что вот он, у тебя в руке, хотел довершить дело. А глянул тебе в лицо, любопытно мне было напоследок узнать, кто же это трех моих воев живота лишил, и вот я глянул, и – о боги! – передо мной лежит мой младший брат Грани. Теперь-то я вижу небольшие различия, а тогда... В чужой земле лежит мой Грани – тех же лет, тот же лик, те же светлые густые волосы на голове и тот же светлый юношеский пушок на подбородке. Ты погляди на меня!

– Чего же глядеть... Уже присмотрелся. Ты рыжий. Как огонь.

– И отец мой был рыжий, и старший брат, и я, и сестра Руна, красавица, а Грани – светловолос. Отец считал его отмеченным богами, любил и баловал. Я не уберег брата, это моя вина.

– Он умер?

– Нет, он погиб как воин.

– Как воин... – задумчиво повторил Мечеслав. – Тогда, варяг, не понимаю твоей печали. Ты зачем с меня путы снял?

– Хотел тебе того же! Кто мог знать, что решит князь? Одно я знал, что ты такой же безрассудный, как мой Грани.

– Расскажи мне о нем, – тихо попросил Мечеслав.

– Начать-то мне придется с того, что на моей родине, называемой Норег, не так много больших городов, как на Руси, и семьи живут далеко друг от друга. У нас, как и у вас, человек без семьи – никто и ничто. Наш дом стоял на берегу окруженного скалами фьорда, а в доме жили мой отец, мать, старший брат Торальд, его жена Райнвейг, двое их детишек, я, сестра Руна, вслед за ней был рожден Грани. Семья не считалась большой, но у нас было четверо рабов и две рабыни, они ели с нами за одним столом, а мы работали наравне с ними. Потому и хозяйство у нас было крепкое: коровы, лошади, козы, гуси без числа. Женщины хлопотали по дому, готовили пищу, пряли, ткали, шили одежду, смотрели за детьми. Мужчины делали мужскую работу; обрабатывали землю, охотились, ловили рыбу в море. Однажды отец с моим старшим братом Торальдом и двумя траллсами-рабами вышли в море, да так и не вернулись. Мы долго горевали по отцу и Торальду, мать после их гибели стала чахнуть, я остался в семье старшим мужчиной. Не мы были первые в своем горе, не мы – последние, жизнь потихоньку налаживалась. И все бы ничего, но начали мы замечать, что сестра наша стала куда-то уходить вечерами, а потом мой младший брат Грани сказал, что видел ее в зарослях у ручья с Эйнармом, младшим сыном Свейна. Я пообещал ему, что погово-

рю с Руной.

В тот же день, встретив ее у большого камня, лежавшего по дороге к дому, я спросил:

– Правда ли, что ты встречаешься с Эйнармом?

– Да! И стану его женой, – с вызовом ответила она мне. Я начал объяснять, что нельзя так делать, наш отец Хакон никогда не допустил бы этого, у него со Свейном была старая вражда, и я запрещаю ей, как старший, встречаться с Эйнармом.

Руна выслушала меня и, глядя с ненавистью мне в глаза, выкрикнула:

– Я люблю его и ненавижу тебя!

Ярость наполнила мое сердце: попробовала бы она так ответить отцу! Я поднял руку, чтобы ударить ее, но не смог, ведь это была единственная наша сестра и мы все любили ее. Но и ее разум затмила безрассудная любовь. Она развернулась и, плача, побежала к дому, я неспешно пошел следом. У дома меня поджидал Грани.

– Ты поговорил с ней? Я видел, как она в слезах пробежала мимо, – сказал он.

– Да, поговорил, Грани, – был мой ответ.

Тогда он спросил:

– Когда же мы накажем Эйнара?

– Послушай, Грани, ничего страшного не случилось. Честь нашей семьи не задета. Руна поймет, должна понять... Пойми и ты: если мы убьем Эйнара, то в силу вступит закон

мести, прольется много крови. Да и не можем мы сейчас тягаться с родом старого Свейна, – объяснил я Грани. Но он был юн, и на нем не лежала ответственность за всю нашу семью.

– А как же Эйнар? Мы ничего ему не сделаем? – с раздражением спросил Грани.

– Я поговорю с ним, и он перестанет встречаться с Руной, – попытался я успокоить его.

– Ты боишься этого Эйнара! – крикнул он.

Второго оскорбления за один день я уже не мог снести и ударил его. После этого он перестал со мной разговаривать. Мать сильно занемогла, я увез ее к родне Райнвейг, вдовы погибшего брата Торальда. Поблизости от ее родни жила старуха-знахарка, которую все хвалили за умение излечивать хворь. Мы пробыли там более десяти дней, я тоже кое-чему подучился у старухи, а мать стала поправляться. Лицо ее уже не было цвета желтой осенней травы. Я хотел остаться еще на несколько дней, чтобы она могла совсем поправиться, но какое-то предчувствие гнало ее домой, и мы вернулись. Дома нас ждала страшная весть. Грани при встрече оскорбил Эйнара, вызвал его на поединок и, конечно же, был убит. Ведь Эйнар был старше, сильнее и опытнее его, он уже успел побывать в набеге на Валланд, землю франков. Когда мы хоронили Грани, пошел первый снег. Мать слегла и уже больше не вставала с ложа, я объявил, что вызову Эйнара на поединок и отомщу за смерть брата. Но сначала надо было

приготовиться к поединку, уладить все дела в нашем хозяйстве и дать наставления. Как старший мужчина и хозяин в доме, я должен был позаботиться об остальных, чтобы в случае моей смерти семья могла выжить. И вот дня через три после похорон Грани, вечером, когда все мы сели ужинать, за дверью залаяли собаки. Я кивнул на дверь освобожденному рабу, которого звали Балар, он вышел и привел в дом незнакомого человека.

Вошедший был в козьей безрукавке шерстью наружу, одетой поверх полотняной рубахи, в кожаных штанах, заправленных в короткие сапоги, и в меховой шапке, похожей на ту, что носят зимой саамы. На его плечи был накинут серый, грубой работы плащ, припорошенный снегом. Он опирался на посох, а сбоку на поясе висел у него боевой нож-скрамасакс. Руки у гостя были большие, сильные, было видно, что их обладателю приходилось часто держать меч и весло. Борода и виднеющиеся из-под шапки волосы имели сероватый оттенок, такого же цвета густые брови нависали над светло-серыми, слегка навывкате глазами. Обветренное лицо незнакомца обезобразивал розоватый шрам, тянувшийся по щеке от виска к подбородку. Я подробно описал тебе, радимич, этого человека, запомни его, на киевских торгах будем и его искать.

– Среди рабов?

– Среди купцов. Этот никогда не станет рабом, – сказал Орм.

После минутного молчания Орм продолжил рассказ:

– Он назвался Смидом, сыном Торстейна из Скирингссала, и сказал, что держит путь из Нидароса в Хедебю по важным делам, но в пути его застала непогода и разболелась нога, поэтому он, завидев жилище, пришел просить приюта на ночь. Я сказал, что он может отдохнуть в нашем доме, предложил сесть с нами за стол и утолить голод. Когда Смид подходил к столу, я заметил, что он прихрамывает на правую ногу. И это запомни, радимич... Насытившись, мы встали из-за стола, женщины начали убирать посуду, и мне показалось, что Смид, проходя мимо Руны, что-то шепнул ей. Вскоре все легли спать. Мне не спалось. Я лежал в боковуше, думая о своих делах. Вдруг кто-то вышел из дома, тихо затворив за собой дверь. Я почувствовал беспокойство, боги, стремясь предупредить, посеяли в моем сердце тревогу. Из боковуши я увидел, что Смид оделся и тоже пытается незаметно выйти. Когда он покинул жилище, я потихоньку, чтобы никого не разбудить, пошел за ним, прихватив с собою меч. Теперь мне стало ясно, что первой покинула дом Руна, мои опасения оправдались, сестра была в стоворе с гостем. За дверями меня встретил холодный ветер, дувший с моря, под ногами хрустел снег, я огляделся и увидел Смида, он, прихрамывая, спешно уходил. Я догнал его, он попытался выхватить нож, но я уже приставил острие меча к его горлу.

– Брось нож! – сказал я. Смид хотел отбить меч ножом, но он не знал, что я уже ходил с Бьярни Хромым в поход к

берегам Шотландии, да и отец с братом Торальдом с детства учили меня владеть оружием. Я сделал круговое обманное движение, и острое меча опять оказалось у горла Смида.

– Ты не слишком расторопен, Сמיד, брось посох и нож, подлый слуга Локи! Ты принес зло в дом, где тебя накормили и обогрели! А теперь говори, где Руна и что ты ей нашептывал? Иначе твоя голова будет лежать на этом снегу отдельно от твоего тела. Клянусь, да не даст мне солгать Тор! Да поразит меня его молот, если это не так! – сказал я.

Отбросив нож, Сמיד прохрипел:

– Я сказал твоей сестре, что в зарослях, недалеко от ручья, ее ждет Эйнар, мой товарищ. Мы вместе на одном драккаре ходили на земли франков, он попросил меня передать Руне его слово, и я согласился.

Оставив Смида, я побежал к ручью. Несмотря на холод, мне было так жарко, как будто я сидел перед горящим очагом в медвежьей шубе. Они были на поляне у замерзшего ручья и собирались бежать. Эйнар уже подсаживал Руну на лошадь, когда я крикнул:

– Эй!

Они вздрогнули и растерянно глянули в мою сторону.

– Ты убил Грани, а теперь пытаешься украсть мою сестру и опозорить наш род! – сказал я, обращаясь к Эйнару.

– Орм! – воскликнул Эйнар. – Я не испытываю к тебе злобы! Да обойдет меня своей милостью Фюльгья, если я лгу! Пойми, мы с Рунной любим друг друга, а Грани я не хотел

убивать, но он оскорбил меня прилюдно, и если бы я не убил его, то он убил бы меня!

– Ты умрешь! – крикнул я и, выхватив меч, двинулся на него. Он стоял, не шелохнувшись. Руна подбежала ко мне, пытаясь остановить.

– Орм, не делай этого! – сказала она, а я оттолкнул ее. Руна упала на снег, ударившись головой о ствол дерева. Эйнар, увидев это, выхватил свой меч и бросился на меня. Мы скрестили мечи. Вокруг были заснеженные деревья, темнота ночи, черные зловещие тени, и лишь поляна освещалась луной. Мы кружили по ней, как два разъяренных волка. Мы бились без щитов, и вот Эйнар решил нанести мне рассекающий боковой удар в живот, так как в это время я занес свой меч, чтобы поразить его сверху, и поэтому не был защищен спереди. Теперь-то я понимаю: он успел бы ударить первым... Но он поскользнулся на льду замерзшего ручья, развернулся ко мне боком, в тот миг мой меч и опустился на него... Эйнар лежал, уткнувшись лицом в снег, который становился красным от его крови, около него сидела Руна, она не плакала и не причитала, а только раскачивалась из стороны в сторону, гладила волосы возлюбленного, тихо повторяя:

– Эйнар, Эйнар, Эйнар! – Затем вдруг обернулась ко мне, крикнула: – Ты убийца! Ты убил не только его, ты убил меня!

Я медленно пошел к дому. Она забыла, что и Эйнар был убийцей ее и моего брата.

Потом был тинг, на нем я поведал, как все было, и по-

клялся, что говорю правду, но меня обвинили в том, что поединка не было и что я коварно убил Эйнара, ударив мечом в спину, хотя вызывал его на честный бой. Я сказал, что это не так, но тут на тинге появился Смид, и от своего имени и имени Руны, которая так и не вернулась в наш дом, поклявшись, заявил:

– Мы своими глазами видели, как Орм разговаривал с Эйнараром и они мирно расстались, но как только Эйнар отвернулся, чтобы уйти, Орм вынул меч и нанес ему удар в спину.

Я в ответ говорил, что это ложь, требовал поединка со Смидом, но Смид кричал мне:

– Ты убийца! Ты убил моего друга, жаль, что я калека, иначе сразился бы с тобой! Да будет тому свидетелем Видар!

Вот так, стараниями Смида, моей сестры и влиятельных родственников Эйнара, я стал изгоем за ложную клятву и убийство. Теперь я должен был покинуть свой дом и родные места...

Дома меня ждало еще одно несчастье. Сердце матери не выдержало смерти мужа, двух сыновей, моего позора и исчезновения дочери, которая после тинга ушла куда-то вместе со Смидом. Люди говорили, что они бежали, боясь моего гнева, и они были правы! Тогда! А ныне я через Смида хочу узнать о судьбе Руны, найти ее, помочь ей.

– Вряд ли он тебе что-либо скажет, – засомневался Мечеслав. – Он лжец! Да и как ты ей поможешь? Твоя и ее родина далека от нас.

– Из твоего родного сельца – далека, не спорю. А выйдем на Киев, увидишь: мир тесен, радимич! И кое-какие вести о Смиде я еще до похода на вас получил. Свейнсоны за ложную клятву дали ему серебро. Но это еще надо проверять.

Орм, вздохнув, продолжал:

– После похорон матери я стал прощаться с домашними. Хозяйство я оставил детям старшего погибшего в море брата и его вдове Райнвейг, к которой приехали двое из ее пятерых братьев, опытные и прославленные воины, чтобы защитить и поддержать ее. На прощание она сказала:

– Что бы ни случилось, Орм, это все твое, этот дом твой, и когда бы ты ни вернулся, ты здесь хозяин!

Но и она, и я знали, что, возвратившись, я принесу в свою семью горе. Свейнсоны тоже не забудут своего горя ни через десять, ни через двадцать лет. И если я вернусь, они найдут способ убить меня. За ними остается право убить меня не в честном поединке, ведь тинг постановил, что я убил Эйнара коварно, в спину. А как только они убьют меня, мои племянники, сыновья Райнвейг, будут обязаны, чтобы честь семьи сохранить, убить кого-то из Свейнсонов. И они убьют, потом Свейнсоны убьют их. И забудется, с чего и когда все началось, обе семьи будут помнить, что между ними кровная месть и что ей нет конца. Я сказал об этом Райнвейг, она заплакала, согласилась со мной, и я попросил ее об одном одолжении. Я сказал, что, может быть, и когда-нибудь придет от меня посланец, принесет серебро и скажет, где я по-

гиб. Тогда она и мои выросшие племянники пусть установят в мою честь рунный камень, только так имя мое может вернуться домой. Райнвейг обещала мне это за себя и за своих сыновей. Я обнял ее на прощание, она благодарно поцеловала меня, и я ушел. Мне было тогда двадцать четыре года. Скитался я недолго и как-то, будучи на Готланде, узнал, что бежавший от брата Хольмгардский конунг Вальдемар набирает воинов в свой хирд. Там-то и нанял меня воевода Волчий Хвост. Почти два года располагались мы становищем в Свеаланде, но не прошло и полгода, как я уже понимал речь руссов и говорил вашей речью. Узнав это, Волчий Хвост поставил меня обучать бою на мечах молодых рабов славян, которых выкупал повсеместно князь Владимир и зачислял в свое войско – без платы, но за еду, одежду, оружие, за будущую добычу с побежденных и за свободу на родине.

– И много там наших? – с удивлением спросил Мечеслав.

– Каких «наших»? – не понял Орм. – Радимичей?

– Н-нет, – смешался Мечеслав. – Всех...

– На всех у князя казны не хватило бы. Он выкупал славян, пробывших в рабстве не более трех лет. Таких, чьи очи еще не притушены... К примеру, твои очи Волчий Хвост крепко запомнил, нет-нет да и спросит с усмешкой: «Ну как там радимич-то? Как он на тебя поглядывает»? Отвечаю: «Как я на тебя: без страха. Добро твое ко мне буду помнить вечно, а оскорбишь и не повинишься – убью».

– И что воевода?

– А что воевода... Смеется. Он же воин! И помнит, что из тех выкупленных рабов-трехлеток не каждый был рад мечу. Далекое не каждый! Рабство, даже недолгое, высосало из них мужество, они были согласны на жизнь-привычку. Таких мы снова продавали, воинов из них не сделаешь. Ну вот... Два года моей жизни в Свеаланде, в стане руссов, закончились. Казна князя опустела, на последнее серебро он купил драккары, погрузились мы и поплыли через Варяжское море в Гардарику – Страну городов, так у меня на родине называют ваши места, сначала в Альдейгыю – Ладогу, а оттуда в Хольмгард, что на вашем языке Новгородом зовется. Отсюда я ходил с князем на Полоцк против Рогволода, затем – на Киев, здесь Владимир сел на великое княжение вместо убитого старшего брата Ярополка. Князь, чтобы оплатить мою службу, поставил меня в дальнем городце посадником. Но многих варягов, приплывших со мной и нанявшихся к нему на службу, изгнал, дал им путь в греки, к базилиусу, там, мол, и буйствуйте, если вам позволят, гордые ярлы. А я не ярл, я из простых бондов, вся моя семья из тьмы начальной, о которой уже нет памяти, жила свободно, хлеб свой добывала трудом на земле, веслом на море и мечом в битвах. Полтора года пробыл я посадником, вижу, не по мне эта служба – себе мошну набивать, а князю выбивать дань. Обманывали меня все, кому не лень... Понял я, что кормиться могу только из рук князя за ратную службу ему. Запросился назад, в дружину, князь вспомнил меня и взял.

– Стало быть, ты тоже изверг. Томится душа по родной сторонущке? – спросил Мечеслав.

– Томится, – грустно изрек Орм.

– Что ж, мыслю я, схожи тропы наши, – сказал Мечеслав. – Не уберегли мы своих матерей, наши сестры неизвестно где, ни тебе, ни мне нет возврата в семью и в род. Ты мне нож вернул, благодарю тебя, я снова воин... Окажи мне, варяг, последнюю милость и честь, позволь быть твоим младшим названным братом. А имя мое – Мечеслав!

– А я – Орм, Орм Лисий Хвост. Так меня прозвали из-за рыжих волос и боевой прически, которую я всегда делаю перед битвой, – протянув Мечеславу руку, добавил: – Орм будет тебе добрым братом!

Глава третья

Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них чисто белый или не совсем черный... Они почитают реки и нимф и всяческие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания.

Прокопий Кесарийский

Ночью Мечеслав и Орм сидели у костра, дым сероватым столбом поднимался вверх, пытаясь дотянуться до звезд. Тихо потрескивали горящие поленья, языки пламени извивались, исполняя свой завораживающий и притягивающий взгляд танец. Мечеслав, задумавшись, неотрывно смотрел на огонь.

– Мечеслав – доброе имя, это как же по-вашему – человек, меч славящий? – спросил Орм, отмахиваясь от разъедавшего глаза дыма.

– Может, и так, а может – меч славянина. О том, как верно молвить, не ведаю, но имя это наше, славянское, мне отцом дадено!

– Такого имени среди радимичей ни в своей сотне, ни в войске князя я не встречал.

– Я радимич только по матери. А отец мой, Гремислав, из пришлых. Ехал он как-то с двумя сотоварищами, а куда ехал, откуда и зачем, этого он мне не сказывал, о родовых

корнях его я не ведаю. Обещал он мне о том позже молвить, да так и не успел. Так вот, порешили они в нашем сельце остановиться, коням роздых дать и самим заночевать. А как стали из пущи выезжать, почуяли неладное – гарью пахло, кони ржали, речь чужая звучала. Вот чего, Орм, я никак не пойму и у отца спросить не удосужился, а теперь уж и не спросишь... Люд у нас мирный, лесной, ратоборству, за малой горсткой, не обученный, но ведь и племя наше, матушка сказывала, большое и родов у нас немало. Отчего же жили беззащитно? Почему не оборонялись заодно? Всяк, кто хотел и был в силе, тот на нас, радимичей, и нападал. Я своею детской памятью помню наезд варягов, их мы посекли, но и они нас – вдвое, мы потом долго не могли оправиться, пока работники моего возраста и помладше не подросли... А матушке было восемнадцать лет, когда они оженались с отцом, но и за эти свои восемнадцать девичьих лет она пережила два набега и тоже не знала: кто нападал, откуда пришли?

– Да, поди, свои же, – сказал Орм. – Ни порядка, ни скрепы, я уж говорил тебе, у вас между собой нет. А гонору через край. И дань добровольно давать великому князю – ума не достало.

– Не мне судить старших, но, скорее всего, так, – с печалью отмолвил Мечеслав. – Ну вот... Отец тогда и сказал: здесь, братья, кровью и разором пахнет. Привязали они коней к деревьям и скрытно к сельцу подобрались, отцовы сотоварищи – с одной стороны, а сам он – с другой. Подкрался

отец к крайней избе, заглянул в оконце, а там дева обнаженная стоит посреди избы, красоты невиданной. Затрепетало сердце в его груди, застучало, но еще более застучало оно от гнева, когда увидел он, что сидят на скамьях за столом четверо воев чужеродных, меды да пиво из чар пьют, девой любуются да посмеиваются. Тут один из воинов встал и вышел по нужде из избы, отец зарезал его и спрятал. Вскоре вышел другой, стал кликать сотоварища, и его отец живота лишил. Третий же из них, почуяв неладное, выскочил во двор с мечом, стал озираться, и направился он к тому месту, где родитель мой затаился. Отец не оплошал, взял камушек и метнул его в сторону. Обернулся ворог, тут отец его и посекал, а после вошел в избу и стал биться с оставшимся воином. Тот, остатний, уже было одолел, сильный воин был, почуял батюшка смерть неминуемую, как вдруг упал ворог, сраженный в спину, и предстала перед ним дева с ножом окровавленным.

– Это кто же тебе рассказывал? – с улыбкой спросил Орм.

– Что-то – матушка, что-то – отец... Лежал я в твоей повозке раненый, тосковал и собирал их речи в одну горсть. Ну вот... Снял отец с себя корзно, накинул его на спасительницу, хотел расспросить, кто она да как зовут, но слышал звон мечей и выбежал из избы. Только и успел молвить матери моей будущей, чтобы затаилась она. А как добежал до места сечи, то увидел пятерых поверженных вражых воев и друзей своих, одного – бездыханно на земле лежащего, другой же, израненный, еще отбивался. Вступил отец в сечу,

встал к плечу сотоварища, чтобы помочь ему, но не успел, посекали его и стали отца теснить. Вот тут волхв и появился, с одним посохом на этих находников пошел и начал их, одного за другим, наземь валить. Отец мой воин бывалый, но такого боя не видывал. Колдовство, да и только. Одолели они гостей непрошенных. Отец воротился в избу к своей спасительнице. Матушка моя была дочерью старейшины, коего вороги погубили, одна осталась, вот и взял ее отец себе в жены, полюбилась она ему.

Отгнав надоедливую комара, Мечеслав продолжил:

– Меня народили, потом сестру Красаву. Отца селяне за старшего выбрали, просили им защитой быть. Так и жили мы, а как подрос я, стал отец обучать меня верхом на коне ездить, стрелы метать, ратовищем да мечом владеть, после же отдал волхву Веду на обучение. Познал я от него, как биться безоружным, как раны излечивать, как боли не чувствовать, как коней, зверей и птиц понимать. Хотел он и далее обучать меня, чтобы стал я после него волхвом, да вот вы явились, – лицо Мечеслава помрачнело.

Орм, отвернувшись, посмотрел куда-то в темноту.

– Волхвы у нас были особого рода, – продолжил рассказ Мечеслав. – В далекие времена, мне матушка сказывала, упала с небес на землю повозка железная, огонь извергающая, пожгла дерева, в том месте ручей забил с водой чистой и целебной. Из повозки человеке явился, то, баяют, был посланец Дажбога, наш люд нарек его Негласом, и он запретил

приносить богам жертвы человечьи. Все понимали его, но речей от него никто не слыхивал, может, потому-то и не все роды его послушались, некоторые продолжали приносить в жертву чистых юношей и непорочных дев. Но наш род принял закон Негласа сразу и навсегда. Из нашего рода Неглас и взял отрока по имени Хороша в обучение к себе, и всю мудрость, что Хороша перенял от него, он передал следующему по себе, когда умер. А первый, Неглас, не умирал. Опустилась с небес колесница, вся из золота и серебра, унесла его живым в небеса – и многие людины то чудо воочию зрели и нам, потомкам, передали. С тех давних пор стоит на том месте капище, если не тронули его ваши вои.

– Мы не враги себе – гнев богов на головы свои навлекать. Большинство из нас тем же богам поклоняются. Мы богов почитаем и своих и чужих, – с легкой обидой в голосе сказал Орм.

– И мы тоже... почитали, мирно жил род наш, к рати не склонный, оттого родовые знамена у нас древо да тетера, но пришла ночь огненная – и не стало сельца нашего! – помрачнев, сказал Мечеслав и, поднявшись, пошел прочь от костра, в темноту ночи, со своей съедающей сердце тоской.

За полночь Орм, чутко спавший, услышал, как вернулся его названный брат. Мечеслав подошел к чуть теплившемуся костру, подкинул в него сухих веток, улегся рядом. Ночь была теплая, тихая, тишину нарушали только окрики сторожевых ратников, редкие крики птиц да тихий шелест дерев.

Незаметно израсходовав свое время, ушла и эта летняя ночь, рассеялся легкий туманец, заалело небо, то Дажбог выехал на повозке своей, чтобы проделать каждодневный путь с востока на запад, наполняя светом воздух, согревая землю-матушку. Проснулись звери, защелкали птицы, поднялось и войско княжье, покашливая, кряхтя да позевывая, стало собираться в дорогу. Заржали лошади, закричали возы, раздались крики, и затопало, поскакало, потянулось войско, подымаемая пыль и бряцающая оружием. Орм, Мечеслав и смерд-обозник наскоро позавтракали тем, что послали им боги и кашевары. Покончив с едой, Орм подошел к своему коню, но вдруг обернулся к Мечеславу и спросил:

– Хочу у тебя узнать: волхв ваш стар, белобород и знак солнца на груди его?

– Да! Видел его? – произнес взволнованно Мечеслав.

– Перед вашей селитьбой встретили мы воинов, среди них был и он. Немало подивился я умению его посохом, как оружием, биться и стрелы, в него летящие, тем посохом отбивать, – сказал Орм. – Когда радимичи от нас в чащобу подались, наша стрела достала его в спину. Волхв упал. Тело его они с собою унесли.

Мечеслав опечалился. Сомнений не оставалось, его учитель погиб.

– Эй, Орм поспедай за мной! – крикнул проскакавший мимо в сопровождении двух всадников воевода Олег.

– Почему его Волчьим Хвостом нарекли? – спросил Ме-

чеслав, провожая взглядом воеводу.

– Одни молвят, имя это – Олег, ему от предка, Олега Вещего досталось, а вещуны в волков способны оборачиваться, стало быть, он, правнук вещуна, и есть хвост волчий – потомство, значит. Другие же говорили мне, что еще отроком он волка голыми руками задушил, а хвост его стал на поясе носить. С той поры и прозвали Олега Волчьим Хвостом.

– Знать, не матерый волк был, матерого он бы не одолел, – сказал Мечеслав, знавший лесную жизнь не понаслышке.

– Может, и так, – Орм сел на коня и поскакал вслед за воеводой.

Глава четвертая

И были три брата; один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доньине в Киеве.

Нестор. Повесть временных лет

И вот – случилось... Наскоро прискакал Орм, крикнул:

– Вскинь очи, брат! Впереди – град великий Киев!

Успокоил коня, склонился к Мечеславу, сказал заботливо:

– Потеряешься – не найду... Как войдем в город, иди до

места, где обоз остановится, там меня и дожидайся. И – никуда!

Мечеслав отчего-то оробел и кивнул, соглашаясь. Ратник лет двадцати – двадцати пяти, сидевший на соседнем возу с перевязанной ногой, спросил, когда Орм ускакал:

– Ты что же, радимич, Киева никогда не видывал?

Его усыпанное веснушками лицо улыбалось, светло-карие глаза смотрели на Мечеслава снисходительно-высокомерно. Пригладив бурого цвета, словно медвежья шкура, волосы, он

сказал с плохо скрытой завистью:

– Ты, я вижу, Орму в душу заглянул. Орм вой уважаемый, посадником был, князь его жалует.

Мечеслав промолчал.

– Вот оправлюсь от раны, сыщи меня, я тебе в Киеве покажу, где девицы ладнее, где меды хмельнее. Кличут меня Златом. А тебя?

Ответ радимича был краток:

– Мечеслав.

Злат еще что-то говорил Мечеславу, но он уже не слушал его, все его внимание было приковано к иному. Перед глазами предстало чудное видение. В крутых берегах катил свои воды великий Днепр на юг, к самому морю Русскому. По берегам раскинулись леса, луга и поля, то тут, то там выглядывали малые, в три-четыре двора, деревеньки, а на возвышенности, на холмах да угорах, гордо стоял за дубовыми стенами сам град Киев. Издали виднелись башни и терема, чуть выше – полукаменные, полудеревянные хоромы княжеские и недалече от них – капище с кумирами, среди которых особенно возвышался Перун с главою серебряной, усами золотыми. Широко Киев-град раскинулся, крепко стоял на берегах днепровских.

В открытые ворота города уже вползало огромным змеем Владимирово войско. Впереди всех князь со своими мечниками, с дружиной конной, за ними – пешая рать, затем – обоз с ранеными, припасами, оружием и добром, оружием

добытым. В обозе, памятуя наказ Орма, шел Мечеслав и еще издали слышал киевское многоголосье: «Слава! Слава Владимиру! Слава князю! Слава!» Пройдя через прохладу надвратной башни, радимич совсем утонул в шуме голосов, а очи его никогда не видывали столько разного люду. Мужики, отроки, женки, дети, старики галдели, смеялись, что-то кричали проходившей мимо рати. И кого среди них только не было! Кроме полян киевских, были тут и соседи радимичей – кривичи, северяне, вятичи, а также люди других племен славянских. Немало было и гостей из земель близких и далеких. А среди них купцы, воины, челядь и горожане вольные. Все смешалось в глазах Мечеслава – и люди, и их одежды: славянские и иноземные, богатые и бедные, мужские и женские. Цветов и красок разных. Тут тебе и корзно, и сапожки сафьяновые, кольчуга дорогая да перстни с камнями драгоценными, а меж ними рубахи грязные, ноги босые, порты рваные да латаные. Так шел Мечеслав мимо люда киевского, мимо халуп покосившихся да изб, ладно срубленных, мимо теремов боярских да купецких, резьбою украшенных, с оконцами слюдяными, воротами обширными, мимо амбаров, клетей да кузен, конюшен и мастерских, мимо рядов торговых, пока не дошел с обозом до места. Устало опустившись на землю, Мечеслав вытянул ноги, стер пот с лица.

– Водицы испить не желаешь ли, молодец?

Мечеслав, не сразу понявший, что обращаются к нему, поднял голову и увидел девушку в темно-зеленом сарафа-

не, надетом поверх белой длиннополой рубахи из домотканого холста. Такого же цвета, что и сарафан, очелье венчало ее голову. Конец перекинутой на грудь тугой русой косы, в которую были вплетены разноцветные ленты, украшал треугольный косник. Темно-голубые, почти синие глаза излучали необыкновенный внутренний свет, и в глазах ее Мечеслав прочел извечную материнскую жалость женщины к ослабевшему от ран мужчине. Стыдным жаром опалило ему лицо. Неужели он так плох на сторонний погляд? Мечеслав начал суетливо подниматься с земли, она улыбнулась, теплой ладонью легонько придавила ему плечо, сказала:

– Сиди уж, сиди... Пить будешь ли, нет?

Никогда доселе не видывал Мечеслав такой красоты. Там, в его разоренном селище, девки были иные. Были и краше, да только в этой пригрезилось ему что-то такое, что задело сердце. Неужели богам было угодно, что отец не успел найти ему невесту из другого рода, может, вот она, судьба его?

Мечеслав немо взял из ее рук корец, жадно стал пить.

– Здравствуй, Рада! Как поживаешь? – раздался голос подошедшего к ним Орма.

– Будь здоров, Орм! – слегка смутившись, ответила девушка. – Пришла я с подругами и женками за ранеными присмотреть.

– Вижу, ты брата моего младшего, Мечеслава, водой напоила.

– Да уж напоила, а не разумею, может ли он хоть слово

молвить?

– Может, Рада, может, да еще и тебя перемолвит! – улыбнулся Орм. – Здоровы ли бабушка и Лычко?

– Бабушка жива, здорова, а Лычко просил, чтобы ты проведаль его да про поход в земли радимические рассказал.

– Проведаю. Передавай им поклон.

– Передам.

Рада попрощалась и легкой походкой направилась к повозкам, на которых везли тяжелораненых ратников. Мужчины глядели ей вслед.

– Хороша дева, – сказал Орм, – да судьба у нее тяжкая. Родители у нее изошли, остались бабка да брат хворый. Его на лову медведь поломал, с той поры и не встает, а было время, на ятвягов вместе с ним ходили. Вот судьба, а? Чтоб бабку и брата прокормить, Рада заключила ряд с купцом Будилой, пошла к нему в челядь. Челядинка – не раба, купец, видать, забыл об этом, стал домогаться ее, и Рада пожалилась мне. Встретил я Будилу, пригрозил, что сначала голову снесу ему за сестру своего ратника, затем доложу князю о содеянном, а каков будет княжой гнев на мне и будет ли, ему, Будиле, уж не узнать... Да-а... Нам пора!

– Мне бы сестру отыскать.

– Быстрый ты у меня... Киев велик, такие дела, как наши, тут в один день не делаются. Нынче не выйдет у нас ничего. Но я времени зря не терял, кое с кем уже переговорил. Если повезет, завтра первые весточки получим и о твоей сестре,

и о моей.

– А об отце?

– И об отце, – произнес Орм без прежней уверенности в голосе. Глянул на поникшего Мечеслава, сказал строго: – Не забывай, он – воин!

Перед ними, словно из-под земли, вырос обозный Жданок. Переминаясь с ноги на ногу, напомнил:

– Насчет возка и лошади спросить хотел. Без твоего, господин, последнего слова взять не решаюся.

– Слова своего не меняю. Бери. Заслужил.

Жданок поклонился.

– Это я тебе, дядя Жданок, кланяться должен за заботу твою обо мне, – сказал Мечеслав. – Забудь, если обидел чем.

– Да чего уж там.

Жданок подошел к повозке и, взяв лошадь под уздцы, не спеша направился восвояси.

* * *

Назавтра, утром, Орм пришел в молодечню, где обосновался Мечеслав.

– Вижу, в баньке помылся, добро. – Подал новую рубаху, порты и широкий кожаный пояс. – Вчера бы нам эту куплю сообразить, да не спопашились... Облачайся, пойдем остатнюю сряду тебе справлять, это не дело – по княжой молодечней в радимических поршнях шаркать. Ребятки, поди, по-

смеивались?

– Да кто как... По уму, – с полным безразличием ответил Мечеслав. – Кто понимал, что в поршнях мне, раненному, легче дотопать до Киева, чем в сапогах, тот помалкивал.

– Взрослеешь, – сказал Орм одобрительно.

Они достигли торжища, сперва наведались на невольничий рынок, затем пошли по рядам. Здесь все гомонило, шумело, кричало, со всех сторон доносилась речь иноземная и своя, племен славянских: тягучая и быстрая, окающая и акающая, прицокивающая и шипящая чуть ли не в каждом слове. Мечеслав, напрягая слух, все-таки понимал всех. Скоморохи, дурачась и танцуя, играли на сопелях, рожках, свирелях, били в бубны. Перекрывая весь этот шум, торговцы зывали покупателей на все голоса.

– Меды, меды вятские, люди добрые! – кричал широколицый вятич.

– Эй, кон быры, корош кон! – говорил толстый номад, предлагая коня светловолосому чудину.

– Рыба! Рыба!

– Мечи франкские! Кольчуги крепкие!

– Эй, народ, не зевай, подходи, покупай!

Шумело, бурлило торжище киевское, и среди этого бурлящего людского моря шли Мечеслав с Ормом. Они подходили к купцам, рядились, покупали и шли дальше. Орм иногда отходил куда-то, с кем-то разговаривал, Мечеслав боялся

потеряться и ожидал его, не сходя с места. Орм возвращался, и они продолжали свой путь. И вот, когда они приобрели все, что надобно было для жизни в лето и зиму, и собрались покинуть торжище, Орм остановил Мечеслава:

– Погодь, лопоть мы тебе справили, да кое-что подзабыли.

Подошел к торговцу оружием. Вернулся, снял с пояса Мечеслава его старенький нож, который отдал ему еще в обозе, сказал:

– Его не должно быть меж нами. На нем и в нем – наш гнев и наша злоба друг на друга. Прими от меня новый. От чистого сердца.

И подал ему нож в широких ножнах, украшенных медными бляшками и фигурками. Это был даже не нож, а малый засапожный меч, которым можно было оборониться и от копья, и от боевого меча. Мечеслав с восхищением оглядывал широкое лезвие, блестящее на солнце, и рукоять из рыбьего зуба, выполненную в виде готовящегося к прыжку зверя-пардуса. Рукоять влегла в правую руку удобно, как в родную. Мечеслав, вспомнив тряпицу, которой была обвязана левая Ормова рука, мгновенно надрезал себе левую ладонь, кровь закапала на землю.

– Пусть и у меня будет рана, чтоб не держал ты на меня зла-обиды.

Орм выхватил нож у Мечеслава и, сделав себе такой же надрез, приложил свою рану к ране Мечеслава.

– Кровь наша соединилась. Отныне мы с тобой кровные

братья, – сказал Орм и обнял Мечеслава.

Когда они шли с торжища, а нанятая таратайка с покупателями, влекомая лядщей лошадежкой, плелась за ними, Мечеслав сказал:

– Орм, совестно мне, немало кун потратил ты, чтобы обрядить меня. Чем отплачу?

– Ты разве мне не брат? Не лишай меня радости позаботиться о тебе, раз уж я не смог и не успел ничего сделать для брата Грани. И что куны? Что серебро? Что золото? Ноне они есть, а завтра их нет, как и жизни у воина.

Орм помолчал и резко свернул разговор на другое:

– Ты ходил со мною. А по сторонам-то поглядывал?

– Одного хромоногого приметил. В овчинном ряду, где тулуп мне купили.

– А где был я? – вскинулся Орм. – Почему я не приметил? Старею?

– Хромоногий был чуть подале, – успокоил его Мечеслав. – Он выделанными медвежьими полстями торговал. Хром-то он хром, да рожа его железом не помечена. Нет, это не твой Сמיד.

– Не мой, – согласился Орм. – Мой уже побывал тут, здешние купцы зовут его Смиткой. Пока мы к Киеву тащились, он все свои дела успел свершить, купил десятка три радимичей, распустил на торгу слух, что идет в Новгород, затем в Нореги и к данам – продавать рабов. Да-а... Начальный слух верен был, Свейнсоны заплатили ему за ложь, и хорошо заплати-

ли. Сמיד молоденьких дев покупал, немало серебра для того надо. Твоя сестра у него, среди оставленных на великого князя ее нет, это я проверил.

– Тогда нам надо в Новгород. Может, еще успеем застать Смида там.

– Не надо нам в Новгород. Он ведь тоже обо мне на торгах разузнавал, вот и замечает следы. Ни один из купцов, что радимический полон сторговали, путь на Новгород не испрашивал, а спрашивали и получили путь на Царьград, к ромеям. Так что там Красаву искать надобно.

Горечь заполнила сердце Мечеслава, тоской и слезами наполнились очи его.

– Не печалься, брат, найдем мы сестер своих. Надо, так и в Царьграде отыщем. Ходили же на земли ромейские князья ваши – Олег, Игорь, Святослав и Ольга, мать его, побывавшая в самом Царьграде у базилевса и принявшая от него веру греческую. Может, и Владимир надумает... А нет, другие пути искать станем, без надежды воину не жить.

Мечеслав кивнул в ответ, и они молча, каждый со своими горькими мыслями пошли дальше по улицам града Киева, в котором суждено им будет прожить не один день и не один месяц.

* * *

Поскучнело небо, все чаще стало плакать слезами по

ушедшему лету. Птицы с прощальными песнями улетали на юг. Мечеслав, провожая их взглядом, думал о том, что летят они в далекую чужую сторонушку, где томится его сестренка, и о том, что если бы был он птицей, то взмахнул крылами, взмыл в небо и полетел искать Красаву и вызволил бы ее из тяжелой неволи.

Подошел Орм, ведя за собой в поводу статного буланого коня. Сказал:

– Тебе привел. Бери. Твой!

– Неужто сам князь мне пожаловал? – спросил удивленно и радостно Мечеслав.

– Ха, тот князь пред тобой стоит! – радостно оскалился Орм. – Пришел в Киев с севера, через Новгород, купец, Рулавом кличут. Как-то вызволил я его из беды, так вот он все искал меня, чтобы вознаградить за то, что жив остался, даже в дому моем, на родине, побывал, вести мне привез, все мои живы и здоровы, никто из Свейнсонов, слава Одину, их не трогает. Но о Руне и у них вестей нет, как сгинула... Нашел меня этот упрямец здесь, в Киеве, и молвил: «Какую возжелаешь награду, проси! Я, о тебе вспомнив, коня у купчины затребовал. Так что ты, почитай, уже княжой дружинник, а сбруя – это тебе от Добрыни дар». Увидел он меня у своего терема с конем новым, хвалить его стал, а как узнал, что я тебе коня веду, велел холопу сбрую принести и дарит ее тебе на добрую память!

– Погоди, Ормушко, а не тот ли это Добрыня? – спросил

взволнованно Мечеслав.

– Он, Мечеслав, он, князя Владимира вуй, воевода и соратник верный, тот самый, что с Волчьим Хвостом за тебя слово на пиру перед князем замолвил.

– Орм, ты мне – не названный, ты мне – родной! – Мечеслав обнял варяга.

– Ну, будет, будет... – сказал Орм, похлопывая Мечеслава по спине и, отстранившись, кивнул на коня: – Как коня наречешь? Не конь, сокол!

– А Соколком и буду кликать, – решил Мечеслав, недолго думая.

– Добро. И вот еще что... Как у тебя с ребрами? Помнится, были подсечены!

– Забыл о них. Каждый день с гридями на княжом дворе мечом и копьем упражняюсь.

– Добро. Но то – забава... Чтобы дружинником стать, надо испытание пройти. А на испытаниях шутить с тобой не станут, там можно и живот положить, примеры бывали... Сначала научись владеть боевым конем, и лучше Сахамана тебя никто тому не наставит. Отыщешь его, молви, что от меня. Ну а как вершником добрым станешь, тогда и мой черед придет в науку тебя брать.

Глава пятая

Что касается ал-Хазар, то это – обширный округ за Каспийским морем. Грязь непролазная, много овец, меда и иудеев.

Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познаний климатов, 985 г.

Мечеслав нашел Сахамана сидящим в одиночестве на берегу Днепра и поющим заунывную песню на неизвестном языке. От его песни на душе стало грустно и тоскливо, и почему-то казалось, что нет конца этой песне, что она, как вечность, неизвестно где начинается и неизвестно когда и где заканчивается. И было в ней что-то от далеких предков, прародителей всех народов.

Мечеслав подошел, сел и стал молча смотреть на воду, отблескивающую под скупыми лучами осеннего солнца.

– Ты кто? – прервав песню, спросил Сахаман.

– Мечеславом меня кличут.

– А, отрок княжий, ты от Орма? – как бы подтверждая, сказал Сахаман и повернулся к Мечеславу. Мечеслав увидел его лицо. На вид Сахаман был лет на семь-восемь старше Мечеслава. У него были темные прямые волосы, доходившие до плеч. Густые брови, почти сходящиеся у переносицы, разделялись едва заметной морщинкой. Небольшой, чуть с горбинкой, нос делал его похожим на сокола, а слегка

припухлые губы, обрамленные тонкими, спускающимися к подбородку усами, придавали мягкость обветренному смуглому лицу.

– Желаете на коне обучаться? Запомни, конь тебе и друг и брат, конь и ты – едины. Молвят, были в давние времена полулюди-полукони, таким и ты должен стать. А если дошло до тебя слово мое, то завтра и почнем, – сказал Сахаман, затем встал и пошел в сторону Подола.

Вот так и началась дружба Мечеслава с Сахаманом. Он ежедневно обучал Мечеслава премудростям конной езды, объяснял, как лечить, кормить, беречь и холить коня, раскрывал секреты свои в общении с ним. Мечеслав с восхищением смотрел на чудеса, которые вытворял Сахаман. Он скакал, стоя на коне, спрыгивал и запрыгивал на скаку, повисал сбоку и под брюхом, стрелял из лука, заставлял коня по команде ложиться и вставать. Всему этому он и обучал Мечеслава. Мечеслав же учился и с каждым днем все больше чувствовал, как подаренный Ормом конь привыкает и становится ему другом.

Иногда Сахаман и Мечеслав бешено скакали, обгоняя друг друга, и тогда Мечеславу казалось, что он летит вместе с вольным ветром все быстрее и быстрее, и ему хотелось скакать еще и еще. После скачки они, счастливые и смеющиеся, спрыгивали со взмыленных и разгоряченных коней, обтирали их сухой пожелтевшей травой, садились плечом к плечу и подолгу разговаривали друг с другом. Мечеслав рассказы-

вал Сахаману о жизни в лесах, о людях, там живущих, о себе, о своей судьбе и своих бедах. Сахаман больше слушал и молчал, задумчиво глядя куда-то в даль. Однажды Мечеслав спросил его:

– Там, где ты родился, все вершники такие добрые?

Сахаман грустно посмотрел на Мечеслава и начал свой рассказ, иногда сбиваясь и коверкая русские слова:

– Родом я из небольшого города, что стоит на земле Хазарской, там, где течет великая река Итиль, впадающая в море Гурканское, которое ваши купцы Хвалисским называют. По той реке мимо города Хазар-Итиль, где со времен Булана – основателя Хазарии – жили великие каганы, корабли купеческие ходят и дань платят. Места эти и сладки и горьки. Сладки потому, что красивы и богаты. В реках там во множестве всякой рыбы, и по их спинам можно перейти на другой берег. Птиц же столько, что когда пугаются они и взлетают в небо, то заслоняют крылами солнце. Немало и зверя разного. Если закрыть глаза и выпустить стрелу из лука, обязательно попадешь в вепря, волка, зайца, сайгу или лисицу. Летом вода в реках теплая, как парное молоко кобылицы, а ближе к осени зацветают на ней цветы красоты невиданной, говорят, и не цветы это вовсе, а звезды, упавшие с неба. А какие там сады! Арбузы, дыни, виноград. И какие степи! Они простираются так далеко, что и за год не объехать. На пастбищах пасется множество коз, овец, несметные табуны лошадей, от их бега содрогается земля. Еще есть большие лошади с дву-

мя горбами на спине, они долго могут идти с поклажей без питья и еды. Скота у нас столько, что всех живущих в землях ваших прокормить можно.

– Земля наша тоже обильна, множество у нас в реках рыбы, а в лесах – зверья, мы и сами себя прокормим, – промолвил Мечеслав, прерывая Сахамана.

– И то верно, но я о своей родине речь веду, – сказал Сахаман. – Есть у нас поющая гора, стоящая среди бескрайней степи, и озера, полные соли.

«Чудно сказывает Сахаман. Ужель гора может петь, а драгоценная соль, привозимая издалека, во множестве лежать в озерах?» – с сомнением подумал Мечеслав.

– Только нет мира на земле моей, потому и горьки места эти, – грустно повествовал Сахаман. Ему было от чего грустить. Кровь на его родине лилась постоянно. Хазария воевала с булгарами, арабами, печенегами, дань брала с покоренных племен, пленников на продажу во множестве приводило в Итиль ее войско.

– За чрезмерную гордыню нашу, за то, что поработщали мы окрестные народы, пришло к нам наказание, и не спас нас бог иудейский, коему каганы наши поклонялись. Вторгся в пределы нашей земли русский каган Светосляб, разорил Хазарию, разрушил Хазар-Итиль и взял города наши Самандер, Самкерц и крепость Саркел, возведенную ромейскими мастерами. Нет теперь прежней силы у Хазарии. Вот на такой земле и в такое время я родился от купца хазарина и

матери огузки. Мой дед, старейшина одного из огузских родов, кочевавший поблизости от нашего городка, решил породниться с купцом, которому поставлял скот и лошадей, и выдал за него одну из своих дочерей.

Мне нравился мой городок, там я рос, играл с соседскими детьми, купался в летнее время в реке, бродил по тесным улочкам между войлочных юрт кочевников, глиняных домишек бедняков, каменных и деревянных купеческих домов, лес для которых доставляли из Булгарии. Иногда к нам навещался мой дед и забирал меня в кочевье. И тогда я откочевывал вместе со своим родом далеко за Итиль в бескрайние степи, туда, где рождается солнце, где дурманит и кружит голову запах полыни, где гуляет вольно каган степей – ветер. Там даже дым костра пахнет по-иному, а еда имеет другой вкус, там дышится легко и поет душа человека. В родном кочевье познавал я науку скакать на коне, стрелять из лука, охотиться на зверя, ловить диких лошадей и распознавать следы. Но затем приходило время, и я вновь возвращался домой. И вот однажды, прохаживаясь от безделья по улочкам родного городка, я увидел нового гончара, который открыл мастерскую неподалеку от нашей небольшой площади. Он работал на улице под навесом, я остановился и стал наблюдать за ним, меня заворожило его мастерство, то, как он превращает кусок глины в кувшин. Он казался мне чародеем и волшебником. Вращался гончарный круг, и под его руками кувшин принимал любую форму.

– Хочешь попробовать? – спросил он меня. Я кивнул, он посадил меня к гончарному кругу, я попытался повторить то, что делал он, и, конечно, все испортил.

Тогда он сказал:

– Приходи еще, и я научу тебя, как работать с глиной, а пока попробуй сделать это. – Он принес несколько готовых глиняных игрушек и поставил их передо мной, там были лошадь, дракон и повозка, запряженная огромным бараном, на котором сидел погонщик.

– Попробуй слепить, – сказал ремесленник.

Раньше я, сидя на берегу реки, любил лепить из прибрежной глины фигурки, поэтому, когда я взял мягкий податливый комок, руки сами все сделали. Кроме тех фигурок, которые попросил сделать мастер, я слепил гончара, сидящего у гончарного круга. Увидев мою работу, он восхищенно сказал:

– Юноша, твои руки созданы для глины.

С тех пор я каждый день стал приходить к гончару Мирхазу. Он показывал и рассказывал мне, где и какую брать глину, как работать с ней, какие формы сосудов можно делать и для чего, как наносить палочкой узоры на сырых изделиях, как обжигать и раскрашивать их. И уже через месяц я делал настоящие кувшины. Но однажды отец призвал меня к себе и сказал:

– Мне сказали, ты целыми днями пропадаешь у гончара Мирхаза? Ты сын купца и должен учиться нашему ремеслу,

а не возиться с глиной. Через два дня мы отправляемся с караваном. Собирайся!

На третий день после нашего разговора мы, соединившись с караваном иудея Соломона, направились в сторону Таматархи, по-вашему – Тмутаракани. Вначале наш путь протекал благополучно, но затем на нас неожиданно напали печенегы, разграбили караван, стариков убили, в том числе купца Соломона и моего отца. Молодых взяли в полон, среди пленников оказался и я.

Три долгих года я жил у печенегов. Сначала меня хотели продать как раба, молодой, здоровый и крепкий раб высоко ценится, но потом, узнав, что я умею лечить коней, оставили меня, а когда увидели, что лошади тянутся ко мне и то, как я управляюсь с ними, решили женить меня и сделать своим воином и табунщиком. Жилось мне неплохо, но я тосковал по дому и мысль о том, что эти люди лишили меня отца, жгла мое сердце. Наверное, и они догадывались о моих чувствах, делая вид, что принимают меня за своего. И хотя с некоторыми из них я подружился, мне все равно приходилось ощущать на себе их взгляды, следящие за тем, чтобы я не убежал. Но я сделал это, когда печенегы после большого падежа скота стали голодать и пошли на земли северов.

Они грабили, убивали и брали в полон беззащитных людей. Однажды я вместе с двумя печенегами ворвался в избу, где усатый северянин с топором пытался сопротивляться, но было ясно, что супротив двоих ему не сдюжить. И тогда я

решил помочь ему. Пока он бился с одним печенегом, я бросился на другого, завязалась сеча, мой противник по имени Шакан со злобой крикнул мне:

– Хазарская собака, я всегда знал, что ты изменишь нам!

И тут же был убит мною, а уса́тый северянин расправился со вторым печенегом. Я показал ему знаками, чтобы он надел одежду убитого и шел за мной, что он и сделал. Мы сели на коней и поскакали прочь. Нам удалось уйти от погони и добраться до Киева, где северянин, имя которому было Мстиша, уговорил меня проситься в дружину к новому киевскому кагану Вледи́меру. Но о ту пору у кагана и без того воев в дружине хватало, а потому стали мы простыми ратниками и ходили с Вледи́мером на Червенские грады. – Саха́ман скорбно вздохнул. – Там и полег мой соратник Мстиша. Меня же каган приметил, и вот теперь я здесь, в его дружине... Позже от хазарского купца я узнал, что моя мать долго ждала нас, хотя ей и сообщили, что меня и отца убили печенеги. Не дождавшись, она продала дом, имущество и ушла в степь к своему отцу и моему деду. Где они теперь кочуют? Смогу ли я когда-нибудь увидеть мать, деда, свой род?

«О том же и мы с Ормом судьбу пытаем, – подумал Мечеслав, выслушав его. – Как живем? Почему так много горя на белом свете?»

Когда закончилось обучение, Саха́ман, поглаживая темно-бурую гриву Мечеславова коня, которого тот назвал Соколком, сказал:

– Что ж, конь у тебя добрый, и ты добрый, люби коня своего, и он поможет тебе в тяжкий час. Если совет будет нужен, приходи, встрече с тобою всегда рад. Думаю, мы с тобой еще не раз встренемся и на пиру, и на рати.

Глава шестая

*Здравы будьте, князья и дружина,
Борясь за христиан
Против нашествий поганых!
Князьям слава и дружине!
Аминь.*

Слово о полку Игореве

На следующий день Мечеслав подошел к Орму:

– Здравствовать тебе, брат Орм!

– И тебе того же, Мечеслав, – ответил Орм. – Обучил тебя

Сахаман с конем управляться?

– Обучил, – ответил Мечеслав.

– Настал и мой черед. Обиды на меня не держи, спрашивать да взыскивать с тебя буду строго.

И начались для Мечеслава долгие дни обучения. Он лазил по деревьям, таскал тяжелые камни, бегал в доспехах и оружии наперегон с другими молодыми воями. Плавал под щитом, нырял и сидел с камышинкой во рту, погрузившись в холодную воду осенней реки. Подолгу держал тяжелую палку в вытянутой руке, приучая ее к твердости при стрельбе из лука. А стрелять из него приходилось из разных положений. Учился он конно и пеше метать дротики-сулицы, владеть палицей, мечом, щитом, боевым топором-секирой. Обучал его

Орм дружинному строю и командам, получаемым дружиною в битвах от своих вождей.

Наконец пришло время, когда Орм сказал:

– Что ж, брат, вижу, всему ты обучен. Кулачному бою и умению копьем и мечом владеть ты сам иного поучить можешь. Готовься, завтра тебя испытаем. Справишься – в дружине будешь!

Назавтра, прохладным туманным утром, устроили Мечеславу и другим молодым воинам испытание. Поначалу показывали они свое умение в метании сулиц и стрельбе из луков пеше и на конях. Бились на мечах, не рая друг друга, один на один, один супротив троих, да против воинов опытных, да стенка на стенку с копьями затупленными, да безоружно. После чего Орм подвел Мечеслава к яме, дал ему деревянный меч, приказал:

– Полезай!

Мечеслав, не переча, прыгнул в яму, которая была ему по пояс, и тут он увидел, как пятеро дружинников с расстояния десяти шагов один за другим стали метать в него копья. Мечеслав напрягся, теперь его внимание было сосредоточено только на копьях, летящих в него. Он уклонялся, отбивал их мечом и ловил рукой.

– Добро! Вылезай, – крикнул Орм.

Когда Мечеслав выбрался из ямы, Орм сказал:

– А теперь беги в лес. Если мы до утра тебя не сыщем, быть тебе гриднем княжеским, а нет... Беги!

Мечеслав побежал, минуя овраг, перепрыгивая ручьи, дальше в поле, к лесу.

«Дубравы бы достигнуть, а там поглядим, кто кого ловить будет», – подумал он, взбираясь на пригорок. Орм и десяток дружинников на конях уже шли за ним в мах. Времени на то, чтобы скрыться в лесу, почти не оставалось. Мечеслав мчался к спасительным деревьям, сил оставалось все меньше и меньше, бег замедлялся, дышалось тяжело. Он хотел остановиться и перевести дыхание, но со стороны Киева уже нарастал стук копыт. Тогда он сделал последний рывок и вдруг почувствовал, что бежать стало легче, будто кто-то вдохнул в него свежие силы. Перекувыркнувшись, нырнул в подлесок и затих, прислушиваясь. Погоня шла стороной. Вскочив на ноги, Мечеслав побежал по жухлой траве, по мху, по опавшей листве и хвое, уклоняясь от веток и стараясь не оставлять следов, но понимал – не по воздуху летит, следы все-таки оставляет и его найдут. Только у ручья Мечеслав почувствовал себя в безопасности! Вошел в воду и направился против течения, осторожно ступая по каменистому дну. Вода холодила ноги, пальцы постепенно немели. Вскоре русло ручья начало сужаться. Мечеслав, увидев свисающую над водой ветку, подпрыгнул, ухватился за ее шершавую поверхность, подтянулся. Добравшись по ветке до ствола, он перепрыгнул с него на другое дерево, потом – на третье и четвертое, спрыгнул вниз и побежал, путая следы, повторяя повадки хитрого лесного зверя – лисы. Добежав до неболь-

шой ложбины, остановился под огромным ветвистым дубом. Снял с себя рубаху, кожаный шлем, набил их травой и мхом, придав своему сооружению форму человека, укрывшегося листвой и ветками. Отойдя недалеко от ложбины, он залез на одну из ветвей высокого раскидистого дерева и, убедившись, что место, которое он только что покинул, хорошо просматривается, задремал. В полночь, сквозь чуткий сон лесного жителя, юноша услышал шорох: «Медведущка бродит или волки. Добро, что на древе, не доберутся, да и нож, Ормов подарок, со мной». Мечеслав прислушался: подозрительный шумок приближался, теперь уже из ложбины. Наконец он различил при свете луны людей, крадущихся к дубу, то были Ормовы дружинники и он сам. Один из них подошел к чучелу.

– Эй, молодец, вставай! Чай, набегался, умаялся? А ну, подымайся! Орм, погляди-ка, может, и не жив он? – В голосе дружинника прозвучала тревога. Орм подошел, наклонился и, ощутив сооружение, рывком поднял рубаху, из которой посыпались трава, мох и листва. По ночному лесу разнесся смех варяга. Из ветвей дуба выпорхнула потревоженная неясность, пролетела мимо дерева, на котором расположился Мечеслав, недовольно ухая, скрылась в темноте.

– Так с кем это ты, Ратша, речи вел? – сквозь смех спросил Орм.

– Ну, Мечеслав, ну и хитер. Весь бы прост, да лисий хвост, – Ратша подхватил смех Орма. Вскоре, пугая лесных

обитателей, смеялись все дружинники.

– В меня братец, – Орм утер слезы, появившиеся на глазах. – Что ж, думы мои такие, не отыскать нам его, заночуем здесь, а поутру в обратный путь отправимся.

Дождавшись, когда воины уснули, Мечеслав потихоньку слез с дерева и отправился на поиски стоянки, где они оставили своих лошадей. Ее он обнаружил на опушке дубравы. У тускло светящегося в ночи костерка сидели двое дружинников, мирно о чем-то беседуя. Мечеслав, прижимаясь к земле, медленно полз к лошадям. Он замирал, когда дружинники замолкали, и продолжал ползти, когда они возобновляли разговор. Время неумолимо шло к рассвету, голого по пояс Мечеслава как-то враз окатило росой, от него пошел пар. Конни забеспокоились, когда он подполз к ним. Но Фенрир, боевой конь Орма, начавший было недовольно фыркать, почуял друга хозяина и притих, вслед за ним успокоились и другие. Мечеслав стоял, оглаживая Фенрира, время уходило. Надо было что-то предпринимать. «Увести его – обидеть Орма, негоже побратима обижать. Жаль, Соколка моего здесь нет, а возьму я саврасого, что ходит под Ратшей», – подумал Мечеслав и осторожно подошел к стреноженному коню. Разре-
зав пути, он скрытно отвел его подальше от стоянки.

Ранним туманным утром дружинники во главе с Ормом возвращались в Киев и вели меж собою негромкий разговор.

– Что в дружине скажем? Осмеют ведь! Юнец бывалых воев обманул да еще коня увел. Стыдоба! – произнес Ратша,

сокрушенно покачивая головой.

– Вижу, не привык ты вдвоем на одном коне скакать, – посмеиваясь, сказал ему Орм.

– Насмешник отыскался! А ежели бы у тебя коня увели? Твоего Фенрира он оставил. А мне какво, нарекут теперь Ратшей Бесконным, – нахмурился дружинник.

– Не серчай, друже, о том никто не проведает, да и мы молвить не станем, – успокоил его Орм.

– А если радимич уже обмолвился и князь Владимир о том прознает? Беда будет! – озадаченно проговорил Злат, стороживший ночью коней.

– Боязно ответ пред князем держать? – посуровел Орм. – А думал ли ты об этом, когда коней стерег? А ежели бы не Мечеслав, а вороги коней увели? Так и полегли бы мы все! – Орм не успел закончить укор, когда впереди раздался цокот копыт. Из густого тумана появился всадник.

– Да это же Мечеслав! – радостно воскликнул Злат.

– Как без рубахи-то, не хладно? – крикнул Ратша.

Мечеслав соскочил с коня, подошел к дружинникам. Орм дружески похлопал его по плечу:

– Добро, брат, быть тебе воем великим!

Дружинники спешили, обнимали его, говорили добрые слова, хвалили, смеялись. Радимич стоял со счастливым лицом, радостно поглядывая на них. Растолкав всех, к нему, улыбаясь, подошел Ратша.

– Меняю на своего коня, – сказал он, протягивая Мече-

славу его рубаху и шлем.

Вечером того же дня, приняв тайный обряд посвящения и зачисления в дружину, Мечеслав сидел вместе с боярами и гридями за столом княжеским. Щедрый княжеский стол был уставлен румяными пирогами, хлебами, блюдами с мясом, дичью, рыбой, мочеными ягодами и яблоками, отроки подавали взвары да каши. Пили квас, меды хмельные и даже вино ромейское, из самого Царьграда привезенное. Веселились, чары подымали во здравие великого князя киевского Владимира.

Мечеслав не спускал глаз с сидевшего во главе застолья великого князя, которого видел раньше раза два, да и то издали, мельком. Ранее он представлял его суровым, умудренным опытом мужем, Владимир же оказался только входящим в возраст возмужалости, и на вид он был лет на пять постарше самого Мечеслава. Перед ним сидел человек, по вине которого убили его мать, сгинул неведомо где отец, была уведена в полон сестра. Из-за него было сожжено родное село. Из-за его желанья примучить радимичей и взять с них дань закончилась их тихая и мирная жизнь. И это ему он должен был теперь служить верой и правдой.

Князь сидел, держа в руке бронзовый кубок византийской работы. Широкие плечи его облежала белая рубаха, на которую было накинута красное корзно, застегнутое фибулой на правом плече. На безымянном пальце левой руки был вздет перстень с драгоценным камнем. У князя было чуть вытяну-

тое лицо, небольшой прямой нос, тонкие губы, русые длинные усы змейками спускались к волевому подбородку, покрытому густой щетиной. Из-под слегка изогнутых бровей на дружинников глядели голубые внимательные но, как показалось Мечеславу, холодные глаза. Вдруг князь посмотрел на Мечеслава, то ли почуяв на себе его взгляд, то ли случайно выхватив молодого воина из других сидящих за столом. Он, не отводя взгляда от Мечеслава, стал что-то говорить боярину Добрыне, широкоплечему великану с темно-русой бородой лопатой и мохнатыми бровями. Его казавшееся добродушным лицо с крупным носом и большими темно-серыми глазами выражало жесткую волю, силу, ум и широту души. Добрыня тоже взглянул на Мечеслава и стал что-то объяснять князю, время от времени кивая то на воеводу Волчьего Хвоста, то на варяга Орма. Князь, одобрительно покачав головой, сказал несколько слов Добрыне. Великий боярин встал и громким голосом произнес:

– А ну-ка, молодой гридь Мечеслав, что из радимичей, подойди к князю нашему.

Радимич растерянным взглядом пробежался по лицам сидящих напротив дружинников, встретился глазами с Ормом. Варяг, подбадривая побратима, кивнул.

Мечеслав поднялся со скамьи и, пройдя вдоль длинного стола отяжелевшими вдруг ногами, подошел к месту, где сидел князь. Низко поклонился, затем выпрямился и опустил голову, глядя себе под ноги.

– Имя твое непростое, такими именами только в знатных родах нарекают, то имя княжеское. Кто же батюшка твой, ежели нарек тебя именем этим? – спросил князь.

Мечеслав промолчал.

– Ответствуй князю, – нахмутив густые брови, произнес Добрыня.

Мечеслав еще ниже опустил голову, буркнул:

– Нет моего отца боле. А кем был он и какого роду-племени, не ведаю.

– Ну да ладно, – сказал князь. – Я ведь тоже без отца с младых годов остался. Отныне твое племя и твой род – моя дружина.

– Преклони колено пред князем, – сказал Добрыня. Мечеслав повиновался.

– Молвят, проявил ты себя в ратном искусстве паче иных, за то, хоть млад ты годами, жалую тебе меч. Береги его! – сказал Владимир, беря меч у подошедшего к нему отрока и вручая его Мечеславу. Юноша взял, приложился губами к лезвию и, встав с колена, поклонился.

– Служи верно князю нашему и земле нашей! Отныне ты дружинник и мечник княжой! – сказал Добрыня и, положив огромную ладонь на плечо Мечеслава, добавил: – А теперь ступай, далее пировать будем.

Мечеслав, бережно держа меч в деревянных, отделанных кожей и серебром ножнах, подошел к своему месту. Не успел он сесть на скамью, как раздались множественные голоса

дружинников:

– Братину ему!

– Братину!

– Братину давай!

– Испей из братины, друже!

Челядинцы принесли огромную, с выпуклыми стенками медную братину, наполненную хмельным медом. И пошла она вокруг всего стола, передаваемая от одного к другому, и каждый пил из нее за князя, за Мечеслава – gridsня нового, за дружину княжью. Пригубил из братины и Мечеслав. Голова закружилась... Будто в тумане он видел смеющиеся и смотрящие на него по-доброму лица дружинников, среди которых были Орм, Ратша, Сахаман, Злат и другие знакомцы. Радостно и тепло стало на душе Мечеслава, почувствовал он близость к этим людям, сопричастность к делам их, словно были они ему братьями родными. И был он готов идти с ними на любого врага и разделять невзгоды любые. Потому что это други его! Его дружина!

Глава седьмая

От Микиты к Ульянице. Возьми меня, я хочу тебя, а ты меня. И о том свидетель Игнат...

Письмена на берестяной грамоте

Уж, почитай, два десятка дней прошло с той поры, как приняли Мечеслава в дружину, и вот теперь он шагал по первому снегу заступать в первую свою сторожу. Облаченный в доспех, при мече, ноже и копье шел он с пятерыми дружинниками на одну из башен, стоявших вокруг Киева.

– Ходи веселее, воинство, не тянись! Видать, снедали много, потому и ноги еле волочите, – бодро шагая, приговаривал старшой сторожи, которого все называли Викуlichem. – Эка, снегу-то ноне навалило!

Мечеслав шел следом, слушая его монотонный басовитый говор. Под ногами хрустел снег, морозец пощипывал и румянил щеки.

– Мечеслав! – позвал его знакомый голос.

Юноша обернулся. Сердце гулко застучало, пытаясь вырваться наружу. Перед ним, улыбаясь, стояла Рада.

– Выздоровел и опять ни единого слова не молвишь? Али изобидела тебя чем? – проговорила девушка.

– Почто мне на тебя обиду держать? – потупился Мечеслав.

– Вот и услышала я слово твое, – улыбнулась Рада.

– Поспешай, воин, недосуг нам ожидать тебя! – крикнул старшой.

– Пора мне, Рада, – опустив голову, сказал радимич.

– И мне пора, Лычко-брат с бабушкой заждались. Мне уж недалече осталось. Вон дом наш.

Рада указала на стоявшую неподалеку, припорошенную снегом избенку, добавила:

– Орму поклон передавай.

– Передам, Рада.

Он побежал догонять остальных, оставляя на белом снегу темные следы.

Полночи простоял на башне Мечеслав, вглядываясь в темноту и вслушиваясь в тишину, которую изредка нарушали крики сторожи:

– Слушай! Слу-шай! Слу-шай!

Мороз осильнел, словно хотел испытать стойкость молодого дружинника, но теплое струящееся внутри чувство, родившееся в душе Мечеслава, согревало его в эту ночь. Он впервые назвал эту девушку по имени, и имя ее было прекрасно! Он вглядывался в темную даль, а в голове все крутились и крутились слова Рады, он искал и находил в них какой-то особый смысл. Он постоянно возвращался к ее голосу, вспоминал ее глаза, ее брови, ее ресницы, ее губы. Все было прекрасно в ней, и нежно, и трепетно. Он страдал сладко, мучительно, он жил сейчас далеко отсюда, там, где ему выпало счастье защищать ее, такую маленькую, хрупкую. «Лю-

бая моя! Рада! Рада! Рада!»

– Да ты никак в дрему впал, парень? То не дело! Не углядишь ворога, погубишь всех нас вместе с девой, с коей давеча речи вел, – вырывая его из мечтаний, строго проговорил старшой.

– Прости, Викулич, моя вина, боле не бывать этому, – Мечеслав виновато опустил голову.

– Да чего уж там... На первый раз простимо. Вскоре Дажбог явится, а там и замена нам будет.

Наступило утро, дружинники во главе с Викуlichem вернулись из сторожи. Войдя с холода в теплоту молодечной, Мечеслав ощутил приятную истому, захотелось поскорее снять доспех, лечь на лавку и уснуть. Но не пришлось. К освободившемуся от доспехов радимичу подошел Злат.

– Орм просил передать, что князь отсылает его гонцом в Полоцк. Перед отъездом он наведается к Лычку. Ищи варяга там.

* * *

Простившись с Лычком и старухой, Орм, пригибаясь, вышел из избы. Следом, притворив за собой дверь, покинула избу Рада. Он повернулся, их взгляды встретились.

– До свидания, Рада, – сказал Орм.

– До свидания. Надолго ли ты? – потупив взгляд, вымолвила девушка.

– Как с княжьим делом управлюсь, так и вернусь, а надолго ли, кто ведает? Ты, если Будила снова за старое примется, Мечеслава кликни, я с ним перемолвлю, он поможет, он мне брат.

– А я? – подняв глаза, взволнованно спросила Рада.

– Ты?

– Я кто тебе?

– Ты? Ты... Ну, вроде как сестра, – отведя взгляд, невнятно произнес Орм.

– Не сестра, – твердо произнесла девушка.

– Кто же?

– Люб ты мне, Орм! Давно люб! Только не смела я молвить!

Темно-голубые с синевой глаза девушки светились любовью, северный воин, побывавший во многих сражениях и многое испытавший в своей жизни, сказал:

– Не молод я, и жизнь моя воинская, опасная, да и что тебе я, пришлый? Ноне здесь, а завтра след простыл.

– Не любя я тебе? – упавшим голосом спросила Рада.

– Да я... Пора мне, вон и Мечеслав появился.

Орм шагнул к коню и, отвязав, взял его под уздцы.

– Вернусь из Полоцка, поговорим, – бросил на прощанье.

– Я буду ждать! Возвращайся скорее! – сказала Рада. Орм кивнул девушке и приветственно махнул приближающемуся на коне Мечеславу.

– Здравствуй, брат!

– Здравствуй, Орм! Здравствуй, Рада! Насилу поспел, думал, не застаю, – сказал Мечеслав, натягивая поводья.

– Поскачем, проводишь меня до городских ворот. Прощай, Рада!

– До свиданья, Орм!

Рада ждала, что Орм обернется и даст ей понять, что она любима, но всадники скрылись за ближайшим поворотом, а Орм так и не обернулся, оставив ее в терзающем душу неведении.

* * *

Все больше и больше вступала зима в свои права. Злые морозы сковали ледяными цепями могучий Днепр, укрылась озябшая земля белым корзном, спряталась до весны от людского взора. Справил люд славянский зимний праздник Корочун.

Жизнь Мечеслава текла размеренно. Он упражнялся в искусстве ратном, ездил на ловы княжьи, палаты его охранял и с порученьями гонял гонцом на Соколке то во Вручий, то в Берестово, то в Любеч. В свободное время ходил к Раде, помогал дров наколоть, за бабкой да за братом ее приглядывал. Он был счастлив слышать голос девушки, видеть ее глаза, наблюдать, как она прядет, прибирает в маленькой, но уютной светелке, как ходит, улыбается. Рада часто спрашивала об Орме, нет ли от него вестей, но вестей не было. Мечеслав

и сам не знал, жив ли, здоров ли побратим или случилась с ним беда.

Однажды Мечеслав провожал ее от Будилы до дому. Ранняя зимняя темень уже опустилась на город. Они молча шли по белому, хрустящему под ногами снегу, серповидная луна освещала им путь. Мечеслав тайком посматривал на Раду. Любовался ее лицом, приобретшим в свете луны особую таинственную красоту и загадочность. Ему невыносимо захотелось открыться ей. Не выдержал, взял ее за плечи и, развернув к себе лицом, неуклюже-нежно поцеловал в губы. Она испуганно посмотрела на него жалким взглядом.

– Не надобно этого, – сказала и быстро зашагала прочь. Мечеслав нагнал ее, мир для него рухнул, жизнь потеряла смысл.

Они так и дошли в молчании до жилища Рады, она прикрыла за собой дверь, не простившись и не сказав ему ни слова.

Несколько дней ходил Мечеслав сам не свой. Невыносимо было сознавать, что не люб ей. Наконец, не выдержав, пошел к Раде и весь вечер просидел, разговаривая со старухой и братом Рады, бросая короткие ждущие взгляды на девушку. Но она будто не замечала его. Когда он, попрощавшись, покинул избу, Рада вышла следом и, окликнув, грустно сказала:

– Мечеславушка, не надобно тебе ходить сюда.

Мечеслав хотел возразить, но она уже вошла в избу.

После этого стала жизнь Мечеслава серой, как осеннее небо, ничто не радовало его глаз, ничто его не веселило, ничто не могло отвлечь от грустных мыслей. Вскоре явился из Полоцка Орм.

– Здравствуй, брат! – сказал он, обнимая Мечеслава. Затем, отстранившись и оглядев его, спросил: – Что кручинит тебя? Стряслось чего? Не обидел ли кто?

– Все у меня по-доброму, – Мечеслав отвел взор.

– Таишься... Не иначе как дева сердце твое полонила. Аль не так?

Мечеслав промолчал, ему хотелось поделиться своими мыслями и переживаниями со старшим товарищем и братом, но что-то мешало сделать это.

– Ин ладно, помощь понадобится или совет, ты молви!

Следующим утром Мечеслав, проходя по улице мимо Ильинской церкви, где поклонялись своему Богу ромеи и принявшие греческую веру варяги и славяне, вдруг услышал веселый голос Рады:

– Здравствуй, Мечеслав!

– Здравствуй, Рада, – обернулся на голос радимич.

– Ты не сердчай на меня, – сказала она. Щеки ее были румяны от мороза, глаза радостно сияли, к ее шапочке, отороченной белкой, были прикреплены новые височные колты, которых ранее Мечеслав на ней не видел.

– Да чего уж, – промолвил Мечеслав.

– Ты заходи. Бабушка да Лычко спрашивали о тебе, – ска-

зала она и, веселая, радостная, легкой походкой пошла дальше.

Вечером, когда стемнело, Мечеслав, полный надежд, отправился к Раде, и, когда ему оставалось завернуть за угол Лычковой избы, он услышал голоса и остановился – то были голоса Орма и Рады.

– Ормушко, любый мой, сколь слез я пролила, тебя ожидаючи. Скажи, люба я тебе али нет?

– Люба, люба, Радушка! Люба, голубушка! Да только какой я жених тебе, старый пришлый воин.

– Какой же ты старый. Ты у меня молод да красив, на всем белом свете нет краше и сильнее тебя.

– Эх, голубушка ты моя!

Мечеславу стало трудно дышать, он развернулся и побежал.

– Мечеслав, ты?! – окликнул его голос Орма.

Но Мечеслав не отозвался, он бежал и бежал, не видя ничего и не ведая куда.

Бежал от обиды, от ревности, от неразделенной любви. Холодный жестокий ветер бросал мокрый снег ему в лицо, поскользнувшись, он упал лицом в сугроб. Тяжело дыша и сжав кулаки, он стал колотить ими по снегу, стараясь забыть Раду, Орма, их голоса:

– «Ормушко, любый мой!» – «Эх, голубушка ты моя!»

На следующий день в молодечной к нему подошел Орм:

– Здравствуй, брат! Не ты ли это вчера от Лычковой избы

бежал?

Мечеслав, отведя в сторону взгляд, промолчал.

– Любы мы с Радой друг дружке, вина моя, что не молвил тебе о том. А что боль я сердцу твоему причинил, за это не обессудь, не ведал я, что ты тоже... – Орм запнулся, положил руку на плечо побратима, Мечеслав дернулся, сбрасывая ее. Орм постоял около него, но, так и не дождавшись ответа, вышел из молодежной, оставляя Мечеслава наедине с горькими думами и противоречивыми чувствами.

Глава восьмая

И рече Володимир: «Се не добро, что мало городов около Киева». И нача ставити городы... И нача набирати мужи лучишие от словен, и от кривичь, и от чуди, и от вятичь, и ими населил грады, ибо была рать с печенеги.

Ипатьевская летопись

Потянулись неторопливо холодные зимние дни, и были они похожи на душу Мечеславу, которая, оставшись одна на всем белом свете, заледенела от потерь, от скорби, от жестокости этого мира, спряталась куда-то глубоко-глубоко, как прячется от мороза все живое. Но ничто не стоит на месте, все рождается, крепнет, а затем стареет, ветшает, разрушается и вновь возрождается в чем-то другом. Вот и после холодной зимы пришел месяц березень, Ярило согрел своими объятьями землю-матушку, и проснулась она, возрадовалась, освободилась от снега, зажурчала веселыми ручьями. Постепенно, как бы нехотя, оттаяла и душа Мечеслава.

Князь же Владимир собрался идти на болгар волжских да на хазар. Засобирались и Мечеслав с Сахаманом. Мечеслав – чтобы уйти подальше от Рады, Орма и их счастья, а Сахаман – в надежде края родные увидеть, род свой и матушку повстречать. Но не суждено было мечтам их сбыться. Отправили друзей с сотней воинов совсем в другую сторону, в

Дикое поле. За старшого поставили Ратшу, одного из друзей Ормовых. От него они и узнали:

– Князь на болгар серебряных уходит с дружиной, да опасается, как бы печенеги разор не учинили, покуда его нет. Порешил он степные рубежи укрепить, а потому собирайтесь в путь, добры молодцы!

Вскоре отряд, покинув Киев, двинулся к кону, незримо разделявшему земли русские и степь. Мечеслав посмотрел на ехавшего с угрюмым лицом Сахамана, спросил:

– Ты чего кручинишься, друже?

Сахаман с обидой в голосе сказал:

– Нет мне веры! У печенегов не верили и здесь не верят! Орма и Злата в поход на болгар взяли, меня отринули. А потому отринули, что дума у них такая: как болгар разобьем и к Хазарии с полуночи подходить станем, я к своим переметнусь и предупрежу их!

– У кого дума такая? – переспросил Мечеслав.

– Орм мог бы слово за меня замолвить и в свою сотню взять. Но и Орм мне не верит!

– Орм тебе верит. И Волчий Хвост тебе верит. Ты степь и все хитрости печенежские знаешь, потому тебя на рубеж и посылают, – сказал Мечеслав. – Я, к примеру, никогда в степи не бывал, так ты для меня, Сахаманушко, первый советчик и вож.

Сахаман подумал-подумал, ничего не ответил, но в лице посветлел...

В полдень их малая дружина остановилась около небольшого поля у раменья, чтобы дать роздых коням и себе. Расположились прямо на траве у подножия огромного дуба. Ели всухомятку, после еды пошли меж воинами разговоры, смех да шутки.

– Эй, братья, а дедок-то умаялся! – сказал вдруг один из дружинников.

Все посмотрели в ту сторону, куда он указывал. Понукая тощую лошаденку, тянущую орало, к ним приближался сторбленный седой старик в посконной рубахе, за ним важно вышагивали грачи и выклевывали из борозды червяков и личинок. Пахарь заметил незнакомцев, прикрыл от солнца ладонью лицо и стал вглядываться в их сторону, затем, признав в воинах руссов, продолжил пахоту. Когда борозда пролегла неподалеку от расположившихся на отдых дружинников, он остановился и громко сказал:

– Мир вам, люди добрые!

– И тебе того же! – ответили дружинники.

– Поснедай с нами, старче, – пригласил старика Ратша.

– Недосуг мне, молодцы, – отказался старик.

– А давай-ка, дедушко, я помогу тебе, – сказал Мечеслав.

Подойдя к старику, нагнулся, поднял ком свежевспаханной земли, понюхал его и размял в ладони.

– Хороша земляца!

«Нам бы такую», – подумал он, возвращаясь мыслями туда, куда возврата ему не было.

– Что ж, вот тебе орало, а я передохну малость, – сказал дед, уступая место Мечеславу.

– А что, старинушка, ты один-одинешенек и пособить тебе некому? – спросил Мечеслав.

– Некому, молодец... Ушел я из рода своего по младости, изгоем стал, поселился в этих местах, жену завел, чада пошли, ладно мы жили. Четверо сынов у меня было, множился род мой, но пришли печенег и погубили всех, только старуха моя хворая да внучонок малой остались, – старик устало зашагал в сторону дружинников. Мечеслав постоял, глядя на его сгорбленную спину, опущенные плечи, затем крепче ухватился за орало и пошел твердым уверенным шагом. Он соскучился по земле, по мирной работе, и ему казалось, что черноватая свежевспаханная земля – это его прошлое. А там впереди виднеется целина – новая, еще не пройденная им жизнь, которую ему еще предстоит вспахать. Он шел и шел, не замечая текущего по лицу пота, солнца, припекающего спину, не замечая времени.

– Эй, Мечеслав, пора! – позвал его Ратша.

Мечеслав остановился, к нему неспешно подошел старик.

– Знать, Мечеславом кличут тебя? – спросил он.

– Мечеславом, дедушко.

– Да хранят тебя Перун и Велес за дела твои добрые! Прощай! – сказал старик.

– Будь здоров, дедушко! Может, встренемся еще!

На морщинистом лице старика блеснула слеза. Мечеслав,

превозмогая чувство жалости, добежал до Соколка, которого придерживал за повод Сахаман. Их небольшая дружина двинулась дальше. Покачиваясь в седле, Мечеслав незаметно для себя задремал, и приснилось ему в этом недолгом сне, что стоит он по пояс в речке, а маленькая Красава бегает по берегу, он черпает воду ладонями и плещет на нее, брызги летят, сверкая на солнце. Сестра закрывается ручонками, смеется... Недалече на зеленой траве сидят, обнявшись, бабушка в домотканом зипуне, в портах без обуви и матушка, на ней синий сарафан и рогатая кичка. Они, улыбаясь, смотрят на детей своих, а отец вдруг говорит чужим голосом:

– Мечеслав! Мечеслав, друже! Очнись! – Кто-то толкал его в плечо. Мечеслав открыл глаза, увидел Сахамана.

– Сморился? Добудиться не могу! Видать, утомила тебя работа в поле. Впереди река, вскорости переправляться будем, изготовься!

* * *

Солнце уже попрощалось с землей, когда они подъезжали к месту своей службы. Неожиданно из темноты появились два конных воина, один в кольчуге и островерхом шлеме, другой в черной мохнатой шапке и персидском полукафтани, оба были вооружены копьями и луками со стрелами в колчанах. Приблизившись, воин в шлеме спросил:

– Чьи будете, кмети?

– Князя Владимира дружинные воины, в помощь вам! – громко произнес Ратша. – Воеводу вашего надобно мне, Яруна.

Слева зашевелились кусты, дружинники, бывшие с Ратшей, напряглись, вглядываясь в темень и неволью хватаясь за рукояти мечей. Из кустов неторопливо выехал еще один всадник, в колпаке, в кожаных латах, надетых поверх рубахи, на широкие плечи его был накинут сермяжный плащ, изпод полы которого выглядывала хазарская сабля.

– Поспешайте за мной, – сказал он и поскакал в сторону стоявшей неподалеку заставы. В темноте въехали в острожек, обнесенный частоколом, посреди которого на небольшой площади горел костер и сидели люди. Все встали навстречу всадникам, из толпы вышел немолодой воин богатырского сложения, с темно-русыми, чуть с проседью волосами и такими же вислыми длинными усами.

– Аль не признал, Ярун Волуевич? – сказал Ратша, спрыгивая с коня.

– Да никак Ратша! Ты ли это, друже? – воскликнул радостно Ярун. Они крепко обнялись.

– Ставьте коней, угощать вас будем, чаю, изголодались с дороги? Эй, братья, ставь столы да скамьи, – крикнул Ярун, освободившись из объятий Ратши. Люди, стоявшие у костра, забегали, засуетились, выполняя приказ старшого. Вскоре столы были накрыты. Все расселись в предвкушении начала трапезы. Вновь прибывшие и те, кто встретил их в острож-

ке, с интересом поглядывали друг на друга.

– Други! – громко сказал Ярун, подымаясь со скамьи с чарой в руке. – Выпьем чару эту за нас, за дружину да за землю нашу! Чтобы не плакала она слезами горячими под копытами вражых коней!

Выпив по первой чаре, воины принялись за еду. За Яруном чару поднял Ратша.

– Здесь кон нашей земли, и было слово Владимирово – строить грады да острожки с заставами, чтобы не мог враг нежданно-негаданно напасть. Для того и нас князь к вам в помощь прислал. Будем вместе, братья, оборонять землю нашу. Да не коснется ее мечом и огнем некоторый враг!

– Ладно сказываешь, Ратша! За то и выпьем!

– Поведай, Ярун Волуевич, о житье вашем, – отставляя в сторону опустошенную чару, произнес Ратша.

– Живем так: в одной руке – меч, в другой – орало. Печенег только и ждет случая пограбить. Одесную и ошуюю от нас стоят такие же острожки и заставы, по ним и рубеж проходит. Но – далече мы друг от друга... А потому постоянно в степь дозоры посылаем, чтобы разведывать, где таятся находники. И когда видим их воочию, а то и сшибемся с ними, тогда дымами знать даем своим соседям, куда, откуда и в каком числе они идут. В этих степях завсегда вои наши были. Баял мне грек один из Корсуни, что здесь скифы жили, предки наши, они, мол, Змиевы валы и насыпали, что позади нас, ближе к Киев-граду.

– Слыхивал и я о том. А люд-то, погляжу, средь вас разный, – сказал Ратша, оглядывая сидящих за столом.

– Да уж! У нас тут – всякого жита по лопате... Есть средь нас воины князем Владимиром, как и вы, к нам присланные, есть изгои и изверги от славянских племен, они своей волей к нам пришли, есть варяги, есть торки, что недавно кочевать недалече стали, когда хазары согнали их с родных кочевий. Иные женками да чадами обзавелись, в сельцах живут за нами или станами у застав, а то и в самих острожках, с десятков семей и в нашем острожке прижились. Хлеб для нас – не князева забота, от них, семейных, мы – с хлебом. Ну и сами мы, ратные, от пахарей не в стороне, помогаем им. Знал бы ты, Ратша, какая здесь земля, на Руси такой нет, родит дивно...

Мечеслав сидел, слушал, все ему было в диковину и все интересно.

– А вот помощники мои и други – Вельмуд, Перша-Бродник, Поликарп, его ранее Быстром звали, он из вятичей, греческую веру в Христа принял, а как волхвы вятические стали его в обрат приневоливать, он ушел к бродникам, затем – ко мне. Сам ведаешь, у нас ведь и в Киеве, что при Игоре, что при Святославе, да и при Владимире христиан не больно-то жаловали. Ну а в острожке нашем так: верь тем богам, кто тебе люб, – говорил Ярун, указывая на своих соратников. – А теперь, Ратша, ты мне сказывай, как там великий князь Владимир поживает, Добрыня, Путята, Олег Волчий Хвост?

Эх, и давненько же я в Киеве не был!

Долго сидели воины за столами, вели разговоры, произносили здравицы, подымали чары и стопы, но постепенно усталость и хмель взяли верх, в острожке все затихло, только редкий лай сторожевых псов у ворот и песни лягушек нарушали тишину. Но пришел срок, и, рассеивая темноту, взошла над землею заря-денница, озарила окрестности радующим все живое светом. Громкий щебет птиц разбудил Мечеслава, он открыл глаза, над ним, играя лучами, светило солнце, было прохладно и свежо. Мечеслав потянулся, зевнул и, вскочив на ноги, огляделся. Дымил потухший костер, чуть поодаль в различных позах спали дружинники, то ли не пожелавшие идти на ночь под крышу, то ли не нашедшие для того сил. Южная ночь – не радимическая, здесь и на потниках сладко спалось... Мечеслав стал осматривать острожек, который ему вчера так и не удалось разглядеть. Теперь он увидел две рубленые избы: одну – большую, дружинную, вторую – поменьше, принадлежавшую воеводе Яруну. У высокого частоккола, окружавшего все внутренние строения, стояла конюшня с прилегающим к ней навесом, под которым приютилась небольшая кузня, неподалеку расположилось несколько землянок, в которых жили семьи пашенных смердов. Надо всем этим возвышалась сторожевая башенка, выдвинутая в сторону степи, на смотровой площадке стоял дружинник в островерхом шлеме. Мечеслав направился в противоположную от башни сторону, где находились ворота, обращенные к Ки-

еву. На надвратной площадке стояли два стража.

– Куда это, молодец, поспешаешь, никак за стены? – сказал один из них.

– А дозволено ли? – спросил Мечеслав.

– Дозволю, почему нет. А спытать хочу, не оробел ли? Может, в Киев, к князю Володимиру под крылышко собрался? – зубоскалил страж.

– Мне и здесь по нраву пришлось, – принял его шутку Мечеслав.

– Ладно, проходи! Торопша, поди-ка отвори, – сказал Мечеславов собеседник второму стражнику. Тот спустился с площадки и подошел к воротам.

– Остерегись, кабы печенеги тебя не уволокли, а то мы у них половину мужей побили, теперь печенежским девкам женихов не хватает!

– Поостерегусь, – улыбаясь, сказал Мечеслав, выходя за ворота.

– Ты бы меч али копье взял. Перстом, что ли, от печенега отбиваться будешь? – донесся голос с площадки.

– Нужно будет, и перстом отобьюсь, – ответил на шутку Мечеслав.

– Кабы не оробели они, на тебя гляючи, да со степи не побежали бы, а то с кем же нам потом ратиться? – нагнал Мечеслава голос Торопши, за которым последовал раскати-стый смех его товарища.

С возвышенности, на которой стоял острожек, Мечеславу

открывался вид на широкую бескрайнюю, уходящую за горизонт степь, вздымающуюся кое-где буграми-курганами, похожими издали на волосатые сгорбленные спины неведомых чудовищ. Внизу, у подножия холма, текла, убегая в даль, малая извилистая речка, заросшая по берегам камышом, из которого выглядывали редкие деревца. К речке примыкал долгий, но неглубокий овраг.

«Вот он, рубеж, кон, граница земель украинских!» – подумал молодой воин, вглядываясь в степную даль.

Неторопливо спустился к реке, от которой веяло бодрящей свежестью. Утреннюю тишину изредка нарушали всплески воды, производимые рыбами. Неподалеку плавали утки. На мелководье, поджав ногу и высматривая добычу, стояла белая цапля. Мечеслав снял с себя одежду, зашел по пояс в прохладную воду, нырнул. Вынырнул почти у противоположного берега.

– Эх! – счастливо выдохнул он и поплыл назад.

Коснувшись ногами песчаного дна, остановился, постоял. Не спеша, вышел по колено из воды, посмотрел в небо на сияющее солнце, крикнул:

– Лепотно-то как! Ярило-о-о!

Его тело, покрытое капельками воды, блестело на солнце, мышцы бугрились и играли под кожей, струйки воды стекали с волос на лицо. В два шага достигнув берега, Мечеслав вытерся рубахой, оделся и пошел обратно в острог. Войдя в ворота, он увидел, что все население этой маленькой кре-

постцы уже проснулось.

Глава девятая

Россы считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потеряют постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба при мысли о том, что они потеряют свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом.

Лев Диакон

Мечеслав разговаривал с Ратшей, когда к ним подошли Ярун и Перша.

– Днесь отдохнете, по рыбу пойдем, а завтра почнете в дозор выходить. Тебе же, Ратша, надобно с половиною твоих воев далее следовать, гонец ныне прискакал, весть недобрую привез. На Десне-реке печенеги на заставу напали, половину воев побили и старшего их.

– Да-а, недолго погостить пришлось у тебя, Ярун Волуевич.

– Печенегам за то земно поклонись.

– Уж я им поклонюсь, мечом да секирой.

– То потом. А пока готовь робят своих, за рыбой пойдем.

Весь день до сотни человек таскали невод, ловили рыбу, доставляли ее в острог, пластали для вяления. Речка малая отдала людям и плоскую тарань, и карпа с золотой, как ромейские монеты, чешуей, и зубастую щуку, и похожую на

лезвие ножа чехонь. Незаметно день пошел на убыль. Мечеслав вместе с другими вернулся в острог, где уже все было готово к трапезе. На столах, поставленных под открытым небом, стояли пиво, меды, кучами лежала в плошках вареная и печеная рыба, горками – ломти духмяного свежепеченного хлеба, а от ухи, покрытой жирком и разлитой в большие пузатые деревянные посудыны, похожие на братины, шел дурманящий запах, смешанный с дымком от костра. Ни за одним столом, даже княжеским, Мечеслав не ел с такой молодой жадностью. Когда трапеза была закончена, Ярун, обращаясь к старому дружиннику с длинными усами, чубом-оселедцем на голове и серьгой в ухе, сказал:

– Вельмуд, хорошо ты сказы сказываешь. Уважь нас и вновь прибывших.

Вельмуд кашлянул, прочищая горло.

– Сказов ныне не будет, а поведаю я вам то, что очами своими видел. Бились мы с ромеями на земле болгар. Был я тогда в дружине князя нашего Святослава. Добрый и грозный был муж, роста не великого, но широкоплеч и крепок. С дружиною завсегда вместе был, и в радости и в горести, на пиру и в битве. В еде, питье и сне был неприхотлив, как простой воин, и до добычи не жаден. Более ему по сердцу сеча была! Мы с ним аж до самого Аркадиополя византийского доходили. Эх! Так вот, подошли ромеи с базилевсом своим Иоанном Цимисхием к болгарскому граду Доростолу, в котором мы стояли. Вышли мы навстречу, сомкнули щи-

ты, выставили копья. Выстроились и ромеи, в челе войска – окольчуженные пешцы, с обеих сторон за ними – конные воины, в бронь закованные, вперед же лучники вышли, а позади всего войска они баллисты и катапульты разместили. Начали метать в нас стрелы да каменья, но и мы не стали ждать, пока побьют нас. Пустили стрелы, сами на ворога двинулись и не раз сходились в сече. Что только не делали ромеи – и войском всем наседали, и конницу латную впереди пешцев пускали, и «бессмертных», стражу свою в золоченых доспехах, посылал Цимисхий на нас, мы же стояли стеной, ни на шаг не отступили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.